

68407

В. ПИЧЕТА

ИСТОРИЯ ЛИТОВСКОГО
ГОСУДАРСТВА
ДО ЛЮБЛИНСКОЙ УНИИ

226234

БИБЛИОТЕКА
Академии Наук БССР

ИЗДАНИЕ „ЛИТВЫ“ ■ ■ ■ ■ ■ ■ ■ Вильно 1921 г.
ТИПОГРАФИЯ „ЖАЙБАС“ — Вильно.

В. ПИЧЕТА.

13650
9.ч.

ИСТОРИЯ ЛИТОВСКОГО ГОСУДАРСТВА ДО ЛЮБЛИНСКОЙ УНИИ.

ИЗДАНИЕ „ЛИТВЫ“.

Типография „Жайбас“ Вильно 42.

—
1921 г.

БИБЛИОТЕКА
Академии Наук БССР

I. Образование территории.

Литовские племена, поселившиеся среди непроходимых болот и лесов в бассейне Немана и Вислы, до XIII века не имели, видимо, какой бы то ни было политической организации, походившей на государственную. Благодаря господству в быте родовых отношений, литовцы делились на множество отдельных племен, мелких родовых отделений, во главе которых стояли князьки-старейшины. Только единство религиозных верований и представлений являлось отчасти некоторой объединяющей силой. Соседями литовцев были с одной стороны поляки, с другой — русские земли: несмотря на малодоступное положение Литвы, соседи постоянно воевали с ней, правда, без особенных результатов. Летописные известия X—XIII в. полны известий о походах русских на Литву, по преимуществу соседних галицко-волинских князей на соседних ятвягов. Конечно, покорить последних фактически было невозможно, и дело ограничивалось собиранием дани, грабежом населения и уводом пленников. Походы русских не имели, однако, никакого влияния на политическую организацию литовцев, так как постоянных зависимых отношений между Литвой и русскими князьями не было. Лишь полоцким князьям удавалось не только пограбить и увести пленников домой, но и поставить литовских старейшин в некоторые зависимые отношения, что впрочем не нарушало существовавших тогда родовых делений.

Литва
и соседи

И литовцы иногда собирались с силами и в свою очередь отвечали набегами, подчас очень смелыми, на Подвинье и Поднепровье. Отметим походы Литвы на Полоцкую землю, в 80—90 годах XII века на Волынь и отчасти на Польшу. Но в начале XIII века внешнее положение литовцев стало более затруднительным. При устье Двины вырос Ливонский орден, а несколько позже, по приглашению Конрада Мазовецкого, в другом месте Балтийского моря возник Тевтонский орден, специально для борьбы с пруссами, с которыми сам Конрад не мог справиться. Первоначально два рыцарских братства были вполне независимыми друг от друга религио-

Литва
и немцы.

зно-политическими организациями, но в 1237 году братства соединились в одно. Рыцари обоих орденов стали сразу держаться совместной агрессивной политики по отношению к литовцам. Они постоянно делали набеги на Литву, а превосходство феодальной военной организации ордена и внутренняя слабость литовцев гарантировали им, конечно, полный успех. Рыцари отнимали у литовцев земли, обращали жителей в своих рабов, облагая население податями и налогами, а самое главное, насильно обращали в христианство, и в результате, после долгой и упорной борьбы, прибалтийские и придвинские племена: пруссы, корсь, летьгола, зимигола — стали зависимыми от ордена. Только Жмудь и собственно Литва оставались пока независимыми, но дальнейшая борьба с немцами могла привести и их к поглощению орденом. Правда, и покоренные племена, не вынося феодального рабства, поднимались, но их восстания кончались новым, еще более тяжелым порабощением.

Разложение
рода.

Борьба с соседями и в особенности с немцами имела большое значение для политической организации литовцев. Она пробудила в них чувство национально-религиозного единства и стремление сплоченными усилиями победить наступавшего врага, отстояв национально-религиозную самобытность. Это внешнее давление к объединению совпало с подобным же процессом, совершавшимся внутри самого племени и выражавшимся в распадении старых родовых организаций. Из них сумели выделиться отдельные лица и подчинить себе более слабые родовые элементы. Воюя с немцами, эти лица всегда выступали окруженные людьми, находившимися в лично-зависимых отношениях от них. Немецкие хроникеры, называя таких лиц „*Kunige, reguli, nobiles, die edelsten*“, подчеркивают, что в сражениях они участвуют, окруженные дружинниками (*cum sodalibus*). Такие вожди были в то же время представителями крупного землевладения, уже прочно сложившегося к этому времени. чему, конечно, содействовало разложение родовых делений и подчинение более слабых экономически более сильным. Такие сильные землевладельцы стали вождями группы населения, живущей на определенной территории, и в сущности между этими князьями — Рушкевичами, Булевичами было так же мало солидарности, как и между родовыми организациями. Но все-таки литовские князьки стали более щепетильны по отношению к тем убыткам, которые они терпели от соседских набегов. Стремление их отразить заставляло князей действовать солидарно, организуя нечто в роде союза. Но такие княжеские федерации так же быстро распадались, как и создавались, и, возникая всякий раз по тому или другому поводу, они, конечно, не могли приве-

сти к национальному объединению, не могли побудить и укрепить стремление к нему.

Несомненно, что среди территориальных князьков скоро исчезло политическое равновесие. Одни стали богаче, сильнее, другие не удержались на занятой позиции и немного опустились. Очертить в деталях подобный процесс мы не в состоянии по недостатку данных, но упоминание Галицкой летописи о посольстве к Романовичам на Волынь литовских князей, среди которых были старшие князья и несколько младших, является некоторой иллюстрацией к вышесказанному. Немецкие хроники тоже говорят о каких то старших и младших князьях. Так, в XIII в. намечался процесс исчезновения мелких территориальных организаций и замена их более крупными, что являлось большим шагом вперед для политического объединения. Дальнейший процесс в этом направлении должен был заключаться в выделении из среды князей крупного и сильного князя и в подчинении ему остальных князьков. Конечно, это случилось бы само собой путем медленной эволюции жизни народа, но внешние столкновения, особенно с немцами, значительно ускорили объединительный процесс.

Старшие
и младшие
князья.

Первоначальное образование Литовского княжества связано с именем Мендовга, которому удалось образовать военное государство, подчинив себе литовских князьков. Мы не можем, в виду отсутствия данных, дать картину борьбы, после которой значительная часть Литвы очутилась в его руках, а прежние „старейшине“ князья стали „младшими“. Ведь первоначально Мендовг был только одним из старейших князей. По крайней мере Галицкая летопись отмечает его в числе старейших в посольстве литовских князей к волынским в 1219 году, которое положило конец враждебным галицко-литовским отношениям. Политика Мендовга была отмечена и современными хроникерами и летописями. Немецкий хроникер прямо называет Мендовга „королем литовцев“.

Начало
объединения
Мендовга.

Первоначальным ядром, из которого выросло и развилось Литовско-русское государство, была собственно Литовская земля по правым притокам Немана, особенно по реке Вилии. Вокруг этой области и сгруппировались остальные части Литовского княжества. Но уже при Мендовге территория отчасти расширилась за счет части соседней Черной Руси по левым притокам Немана и городами: Гродно, Волковыск, Слоним. Во второй половине XIII века он учредил свою столицу в Новгороде Литовском, наиболее значительном городе земли. Местным князьям пришлось опуститься до положения подручных князей. На этом территориальные приобретения Мендовга не остановились. Мендовг начинает

Увеличение
территории.

нападать и на другие русские области. Усиление княжества было необходимо для борьбы с Ливонским орденом, а внутреннее состояние русских областей вполне благоприятствовало тенденциям литовской политики: русские князья были ослаблены и разорены татарским нашествием; они сами естественно тянули к такому центру, который мог стать на их защиту. Внутри их самих взяли верх центробежные силы, что значительно парализовало возможность активного сопротивления с их стороны. Старые враги, галицко-волинские князья, были заняты внутренними усобицами и не могли противодействовать активной политике Мендовга: столь опасный раньше Полоцк был занят домашними спорами, разрушившими старое единство земли и естественно ее ослабившими. Что касается немцев, то по отношению к ним у Мендовга, конечно, не могло быть никакой определенной политики. Большею частью он держался оборонительной тактики, изредка переходя в наступление, кончавшееся, в конце концов, печально для Мендовга. Его политика — политика ухищрений, мирных договоров, мелких войн, принятия христианства и отступления от него.

Итоги
политики.

Наступательная политика Мендовга скоро дала весьма существенные результаты. К 50 годам XIII века была присоединена Полоцкая земля, куда Мендовг послал князем своего племянника Товтивилла: была попытка завоевать Смоленскую землю, но внутренне единая-она была слишком сильна, чтобы молодое, еще неокрепшее военное государство могло ее покорить.

Протест
князей.

Объединительная политика Мендовга вызвала естественный протест со стороны группы литовских князей, очевидно, не желавших превращаться в подручников великого князя. Недовольные составили заговор и убили Мендовга (1263). Конечно, с его смертью объединительной политике был нанесен весьма существенный удар, и возникшие тогда усобицы на время, конечно, задержали политический рост Литвы и значительно расшатали только-что народившееся государство. Однако, внешнее положение Литвы оставалось старым: опасность паробощения не только не ослабела, а даже усилилась, благодаря победе в самой Литве центробежных сил. Все это и должно было, в конце концов, толкнуть литовских князей на путь объединительной политики, которая, собственно, отчасти соответствовала и материальным выгодам князьков, так как опасность разорения и нападения значительно уменьшилась.

Более активное и с этого момента непрерывное расширение территории начинается со времен Гедимина (1315 — 1341).

Уже его предшественники отчасти сломили сопротивление князьков, приводя их в подобающее положение и даже отчасти возобновив активную политику по отношению к соседям. Но разрешение задачи, поставленной Мендовгом, блестяще было начато только при Гедимине и его сыне Ольгерде. Расширение территории в общем шло довольно быстрым темпом, и большая часть земель была присоединена не при посредстве внешней силы: соседние области, нуждаясь в более сильных защитниках, охотно подчинялись власти литовских князей, признавая над собою верховенство великого князя. Кроме того, и сами князья часто предпочитали добровольно стать „подручниками“ литовского князя, но оставить за собою свои владения. Гедимину и Ольгерду удалось объединить под своей властью все литовские племена, сломив даже резко выраженный индивидуализм Жмуди, бывшей не в состоянии собственными средствами продолжать войну с немцами. В начале XIV века, при Гедимине, власть литовского князя распространяется на Минское княжество. Около того же времени потеряли самостоятельность и турово-пинские князья, владения которых так раздробились, что скорее напоминали собою вотчины и поместья, а не государства.

Гедимин.

Турово-пинские князья, таким образом, не представляли из себя крупной политической единицы. Занятые междоусобицами, они не могли оказать соответствующего сопротивления агрессивной политике галицко-волынских князей, и в половине XIII века стали зависимыми от них. Стремление освободиться от последних и заставило князей довольно рано вступить в сношения с Литвой, а территориальная близость располагала к этому. Это и привело, в конце концов, к установлению литовского владычества князей, совпавшего с моментом ослабления значения галицко-волынских князей. С присоединением турово-пинских князей, в состав территории Литовского княжества вошла область древних дреговичей.

Присоединение Турово-Пинской земли.

Благодаря прекращению княжеской линии в Полоцке, он окончательно утвердился за Литвой, а выделившаяся из Полоцкой земли — Витебская, благодаря женитьбе Ольгерда на великой княжне Марии, отдана ему в виде приданого.

Присоединение Полоцкой земли.

Политические успехи Гедимины не ограничивались только пределами Минского княжества и Литовского Полесья. Гедимину удалось подчинить себе и соседнее Подляшье — Берестейскую землю по среднему течению Западного Буга — политически единую и замкнутую в себе, с половины XIII века освободившуюся от влияния волынских князей. Помимо этого, литовское влияние отчасти распространилось на территории древлян — по Березине, Нижней Припечи и ее прито-

Дальнейшее расширение Литовско-русского государства.

кам, Днепру и Сожу. Гнезда мелких князей Киевских, Черниговских, Смоленских чувствовали на себе влияние Гедимины. Кажется, сам Киев находился в сфере политического влияния Литвы, так как некоторые из историков находят возможным признать Киевского князя Федора подручником Гедимины. Впрочем, последнее можно считать научной гипотезой, имеющей за собой некоторое основание, но точно установить факт невозможно. Распространилось также влияние Литвы на Волынь, где был князем Любарт Гедиминович, женатый на дочери Владимирского князя, но в 40 годах, когда польский король Казимир вмешался в галицко-волынские отношения, влияние на Волынь Любарта уменьшилось: у него оставалась только одна Луцкая земля. Как бы то ни было, но многолетняя борьба за галицко-волынское наследство была моментом благоприятным для территориального расширения Литвы.

Ольгерд и его присоединения.

Ольгерд (1341—1377) деятельно продолжал активную политику отца, распространяя литовское владычество вглубь русских земель, в бассейны Днепра, Днестра и отчасти южного Буга. Раньше других признали литовское верховенство чернигово-северские князья. Как раз к этому времени в семье наиболее из значительных из князей Северщины-Брянских, начались усобицы: центробежные силы взяли верх. Ольгерду не стоило никаких усилий распространить литовское влияние на Северщину. Уже в 80 годах в городах западной части ея (Брянск, Новгород, Чернигов, Стародуб) сидели литовские князья, а в восточной — местные, не признавшие зависимости от Литвы. Расширение сферы политического влияния на Северщину толкало Ольгерда на поступки в том же направлении. Это и определило несомненно удачное столкновение со Смоленском, которому временно удалось сохранить свою самостоятельность.

Чернигово-Северская земля.

За Северщиной наступила очередь Киевской земли. Летописец сообщает, что Ольгерд совсем прогнал из Киева князя Федора, посадив на княжеский стол сына Владимира. Это случилось в 1382 году. За Киевской землей и Переяславская земля, тянувшая к Киевщине, подчинилась Литве.

Киевская и Переяславская земля.

Кроме Киевщины и Переяславщины, после упорной борьбы Ольгерда и Любарта с Казимиром Польским, — часть Волынской земли, а именно земли Луцкая, Берестейская, Бельская, Холмская, — были отланы литовским князьям. Но борьба этим не окончилась, и только по смерти Казимира Любарту удалось сосредоточить в своих руках всю Волынь, отказавшись от всяких притязаний на Галицию. Нельзя забывать о той поддержке, которую население Волыни оказывало Любарту в его борьбе с Польшей за независимость Волыни.

Волынская земля.

Наконец, после сражения с татарами на Синей Воде (1380), восточное Подолье с Брацлавом и Винницей было занято литовскими князьями. Таков состав территории княжества к концу XIV века.

Подольская
земля.

Наконец Смоленская земля была присоединена после Ольгерда Витовтом, о чем нам придется сказать несколько ниже.

Смоленская
земля.

Образовавшееся государство в своем складе имело некоторые оригинальные черты. Князья довольствовались только внешним признанием литовского суверенитета, отнюдь не посягая на самостоятельность народной жизни. Каждая из составных частей продолжала жить своею жизнью, так что связь между отдельными землями и княжествами была чисто внешняя: в общем, по своему устройству, сформировавшийся политический организм напоминал собою федерацию областей, спаянных с центром очень некрепкими узами, могущими порваться при первой возможности. Кроме того, в молодом Литовском государстве литовцы составляли ничтожное меньшинство, расплывавшееся среди моря русского населения.

Характер
государства.

Двойственный национальный состав государства впоследствии имел огромное влияние на жизнь Литовского государства, которое справедливее называть Литовско-русским.

Включение в состав молодого политического организма группы русских волостей имело огромные культурные следствия. Воинственная Литва была ниже русских в культурном отношении, и первый период в жизни Литовско-русского государства можно отметить, как момент наибольшего влияния русской культуры. Сами князья называют себя литовскими и русскими, тем самым признавая влияние и значение русской национальности. Среди литовцев начинает делать довольно быстрые успехи православная вера. В городах появляются православные церкви. Князья, получившие уделы в русских областях, обыкновенно принимали православие и женились на русских, и многие из литовских князей стали горячими поборниками православной веры. И великие князья, очень терпимые в своей религиозной политике, поддались влиянию православия. Правда, Гедимин оставался язычником, но зато Ольгерд, женатый на двух православных княжках (Витебской Марии и Тверской Юлиании), перед смертью принял православие. И Витовт, до своего перехода по политическим соображениям в католичество, держался православия. Наглядным доказательством силы русского влияния служит употребление русского языка в государственных актах того времени, да и в домашнем обиходе князей и литовской знати русский язык заменял родной. Конечно, русское влияние сказалось и в области права, — русские юридические нормы и обычаи

Влияние
Руси.

впоследствии вошли в Статут, а до этого времени обычное литовское право изменилось под непосредственным влиянием русского права.

II. Удельный период (княжеские отношения).

Уделы
после Ге-
димины.

Первые литовские князья не нарушали установившегося на Руси правопорядка. Представителями литовской объединительной политики должны были принаровиться к существовавшим политическим отношениям и поэтому не разрушать удельного правопорядка, а наоборот поддерживать его и укреплять. Вот почему Гедимин разделил еще при жизни свое государство между братом и своими сыновьями. Полоцк получил брат его Воин, Монвид — часть Черной Руси с городом Слонимом и в собственно Литве город Кернов на реке Вилии. Вся остальная Черная Русь с старой столицей Новгородком досталась Корнату. Ольгерд владел Витебским княжеством, а в собственно Литве областью с городом Креве и землями до реки Березены. Кейстут получил Троки, Жмудь, Гродно и Берестие, а Любарт остался на Волыни. Самый младший из сыновей, Явнутый, не имевший при жизни отца удела, остался с матерью в стольном городе Вильне и владел Бреславлем, Билькомиром и Огименою. Однако такое распределение волостей недолго удержалось. Ольгерд, как наиболее активный из сыновей Гедимины, прогнал Явнута из Вильна, и Литовское государство фактически разделилось на две половины: западную и восточную. Во главе первой стал Кейстут, а во главе второй части — собственно Литвы, западной и юго-западной Руси, Ольгерд. Такое деление соответствовало стратегическому положению государства. В Жмуди Кейстут вел неустанную борьбу с немцами, а на востоке преследовалась объединительная политика. Кейстут в сфере своей политической деятельности был вполне самостоятелен: его удары немцам поднимали авторитет Литовского государства, но великокняжеский суверенитет оставался теоретически в руках Ольгерда, как наиболее сильного из всех удельных князей.

Ягайла
великий
князь.

После смерти Ольгерда территория государства разделилась между его сыновьями, получившими свои уделы еще при жизни отца. Старший в роде оставался Кейстут, а старшим сыном Ольгерда был Андрей, княживший в Полоцке. Однако ни тот ни другой не получили великокняжеского престола. Великим князем, по желанию отца, стал Ягайла, сын от второй жены Юлиании Тверской. Кейстут признал верховенство своего племянника, но добрые отношения между дядей и племянником продолжались недолго. Ягайла боялся Кейстута и, чтобы от него отделаться, вступил в сношения

с старинным врагом Литвы — Ливонским орденом. Тогда Кейстут захватывает Вильно и прогоняет своего племянника. Между дядей и племянником возгорелась борьба. Удельные князья стали на сторону Кейстута, часть на сторону Ягайлы. Поэтому, когда Кейстут был убит, и Ягайла вокняжился в Вильне, — произошло перераспределение княжеств между князьями. Ягайла соединил в своих руках Витебск, Минск, Мстислав и Новгород, не говоря о собственно Литовской земле и Жмуди. Многие из князей были изгнаны. Витовт лишился отцовского удела, часть которого, Городенскую и Берестейскую землю, получил только впоследствии. Троицкое же княжество было отдано Скиргайле Ольгердовичу.

Таким образом, в преемстве великокняжеского стола нельзя подметить никакого определенного порядка, никакой системы. Престол обыкновенно доставался в руки сильнейшего князя. Литовское государство представляло из себя ряд отдельных княжений, подчиненных великому князю: в руках последнего находилась довольно большая территория, составлявшая его удел, который он постоянно пытался увеличить. Размеры этого удела давали великому князю средства держать в подчинении себе удельных князей. Отношения последних к великому князю определялись в княжеских договорах и грамотах, и фактически все сводилось к обещаниям верной службы и военной помощи, когда последняя понадобится от них. Гедиминовичи не церемонились с удельными князьями, произвольно лишая то тех, то других их владений, присоединяя последние к своей вотчине и превращая князей в высший разряд землевладельческого класса в Литве. Окончательный удар удельному правопорядку был нанесен великим князем Витовтом.

Между-
княжеские
отношения.

В 1386 году совершилось для Литвы событие первостепенной важности. Великий князь Ягайла заключил унию с Польшей. Уния была встречена собственно в Литве враждебно, в особенности в среде литовского боярства. Выразителем мнений и желаний последнего явился сын Кейстута, Витовт, которому удалось утвердиться на литовском великокняжеском столе и договорами определить свои отношения к Польше. Все государственное Витовта сводится к упорной и продолжительной борьбе с удельными князьями, а внешнее положение Литвы — борьба на три фронта с поляками, немцами и Москвой — требовало более сильной государственной власти, что и определило разрушение удельного строя. К тому же Витовт, выступая как представитель национальной независимости Литвы, не встретил в этом отношении поддержки со стороны удельных князей, для которых отдаленность Ягайлы, жившего в Польше, более соответствовала их реальным инте-

Разруше-
ние
удельного
строя.
Витовт.

ресам, чем близость Витовта. Уничтожая уделы и посылая туда своих наместников, Витовт в тоже время старался подчеркнуть, что его стремление связать земли более крепко с центральным правительством отнюдь не касается их внутренней автономии, закрепленной при нем уставными грамотами.

Борьба Витовта с удельными князьями началась с Полоцка, откуда он прогнал Скиргайлу. Уже при Ягайле, до его примирения с Витовтом в 1392 году, Андрей Полоцкий был прогнан со своего стола и заменен братом Скиргайлой, а затем такая же участь постигла Федора Любартовича, у которого Ягайла отобрал Луцкую землю, передав ее Витовту. Другая же часть владений Любартовича, Бельско-Холмская земля, стала подьской провинцией, так как была присоединена к Галиции. Пока за Федором оставалась только Владимирская земля. С 1392 года борьбу с князьями ведет уже Витовт. Скиргайле пришлось проститься с Полоцком, Троцким княжеством, куда был послан великокняжеский наместник. Сам же Скиргайла получил небольшие владения в Луцкой земле и Киевщине. И Витебская земля, сначала принявшая Свидригайлу своим князем, в конце концов должна была принять наместника из рук великого князя.

Ольгерд.

Затем наступила очередь князей южно-русских. Была отобрана Владимирская земля от Федора Любартовича. Новгород-Северский от Корибута—за непризнание Витовта великим князем, был прогнан из Киева Владимир Ольгердович, сыновья Кориата Гедиминовича за непослушание были лишены своих владений в Подольской земле. Правда, прогнанные князья получили владение в других волостях: так Федор Любартович в Северщине, Скиргайла в Киевщине, Свидригайла, главный противник Витовта, получил княжество в Черниговской земле, но эти владения они получили во временное владение, до господарской воли. Из князей отчичей, со всей полнотой княжеского суверенитета, они превращались в слуг великого князя с сохранением некоторых княжеских прав. Что касается части Подолья, именно Поднестровья, то Витовт отдал ее Ягайле. Эта временная отдача стала впоследствии яблоком раздора между поляками и литовцами. Для поляков это был исторический прецедент, доказывающий присоединение Подолья к Польше, хотя при отдаче Подолья Ягайле, видимо, не было и речи о государственно-правовом положении Подолья, и вся сделка носила временный и личный характер.

Земские
уставные
грамоты.

Так при Витовте исчезла самостоятельность удельных княжеств: Витовт мог быть доволен результатами своей политики. Дарование же областям уставных грамот являлось лучшим приемом удержания в верности население областей. Несомненно, все области получили уставные грамоты, впослед-

стии подтвержденные при дальнейших литовских князьях: Казимире, Александре и Сигизмунде. Сами же оригиналы привилеев не сохранились: так, витебская грамота сгорела при пожаре, а другие иными путями.

Земские уставные грамоты, коими закрепляются существующие местные юридические обычаи и нормы, являются документом первостепенной важности, дающим возможность изучить не только законы, регулирующие местную жизнь, но и вообще понять социально-политическую эволюцию в строе русской и литовских земель.

Судя по грамотам, уже при Витовте не может быть и речи об однообразии структуры литовско-русского общества. В частности земель уже бросается в глаза раннее развитие сословности, и тогда уставная грамота является скорее обще земским шляхетским привилеем. Это можно сказать относительно Киевской и Волынской уставных грамот, где сословность строя, в особенности в последней, является резко выраженной. Что касается остальных грамот, а именно Полоцкой, Витебской, Смоленской и Жмудской,—они несомненно Всесословного характера, и Всесословность строя даже не была еще разрушена шляхетскими привилеями XV в. Конечно, в этих землях уже складывались те общественные элементы, которые явятся основой сословного строя. Несомненно, во всех этих землях видную роль играют бояре — это *reguli, nobiles, die edelsten* немецких хроник, а с XIV века, под влиянием русской терминологии, *die edelsten baioren, die bestin, bajoren, baiori et meliores patriae*.

В большинстве случаев это только представители крупного землевладения. Бояре разделяются на бояр великих и молодых. Положение всех этих элементов определялось не нормой закона, а сравнительной материальной обеспеченностью, определявшей и политическое положение боярина. Звание его не было наследственным, а в наследственности главное отличие боярства от позднейшего шляхетства. Кроме того, боярство не было замкнутым классом: боярство наполнялось разными элементами, а замкнутость — тоже принадлежность шляхетства. Но боярство не было сословием, которое пользовалось правами, отличными от других общественных групп. К этим элементам надо прибавить мелкопоместных людей, бывших на службе у князей и частных землевладельцев, — это слуги и, наконец, специалистов в военном деле — дружину, *milites*.

Социальные группы.

III. Уставные грамоты и областные собрания.

Уставные грамоты XIV — XVI в.в. не отличаются единством плана и построения, но изучение текста грамот дает возможность установить, что имел в виду законодатель, выда-

Содержание уставных грамот.

вая грамоты. Если взять все грамоты в совокупности, то видно, что имелось в виду при их составлении: 1) подтверждение прав церкви и духовенства, 2) ограждение личных прав всего свободного населения земли, 3) обеспечение его имущественных прав, 4) привилегии шляхты, духовенства и отчасти мещан, 5) подтверждение основных прав земли и ее самоуправления, 6) финансовые платежи, 7) закрепление местных гражданских и уголовных норм. Конечно, в одних грамотах одни вопросы детализированы, — о других законодатель счел возможным говорить кратко. Но в общем тенденция одна: „з ласки господарской“ сохранить старину в неприкосновенности, закрепить социальный, политический и правовой порядок, выработанный веками в Жмуди и русских землях. Каждая грамота рассматривает область земли, как отдельное государство, связанное государственными узами с литовскими великими князьями. Отсюда обещание великого князя не жаловать никого волостями и городами и, в частности, воевод по частному праву (Полоцкая и Витебская гр.).

Выбор
должно-
стных
лиц.

Литовские князья осуществляют свою власть при посредстве наместников. В Жмудской земле они назывались старостами, в других землях — воеводами. Население принимает участие в назначении наместников (Витебская, Полоцкая, Жмудская грам.): неугодного населению наместника великий князь обещает отстранять от должности — „ино нам им воеводу иного дати по их воли“. И это не было только словами. Кроме того, в Жмуди и население принимало участие в назначении тивунов: великий князь обещает давать им только тех тивунов, „которых бы они себе обрали, альбо хотели обрать с своих поветов, або которых бы у нас просили“. Собственно, тоже было в землях Смоленской и Киевской, вероятно, и в Волынской. Все волостное управление находилось в руках местного боярства. В Смоленской и Киевской землях оно распределялось между боярами погодно: остается неясным только самый процесс замещения должностей. Можно сказать, что провинциальное управление было в руках туземцев под высшим контролем княжеского наместника. Впрочем, частью областью управлял воевода при посредстве своих тивунов (Жмудь).

Судебная
власть
воеводы.

В руках воевод и старост сосредоточивалась и судебная власть, но только ей ставились некоторые существенные ограничения. Суд производится на месте. Обращение к господарю в Литву — недопустимо (Полоцкая, Витебская). Воеводские судебные решения считаются окончательными, если приговор вступил в силу (Полоцкая, Витебская). Судит воевода не один, „а досмотревши права с князи и з бояры и з мещаны“ (Полоцкая, Витебская), „с окольничими и иными вярди-

ками" (Смоленская). По волынской грамоте, воевода „мает при себе посадити князей и панов и землян—теж мает его судити“. Это охранители местного обычного права. Воевода и старосты являются первой инстанцией в разборе уголовных дел: кгвалт, шляхетская рана, поджог. По гражданским делам возможен разбор дела непосредственно перед государем, в качестве первой инстанции (Волинская).

Населению областей гарантируется личная безопасность: Права населения. наказывать можно только по суду (явном суде христианском), никто не может быть лишен имения иначе, как только по суду. Население имеет право обращаться к верховной власти с челобитьями (Полоцкая, Витебская). Всякий имеет право выезда из своей земли „чолом ударивши и нашему воеводе объявився и своей братьи“ — „ино ему путь чист, куды хто хочет, без каждое зачепки“ (Полоцкая, Витебская). Грамоты обеспечивали старинное процессуальное право, торговый суд, личность и имущество от притеснений местной администрации и определяли обязательства населения по отбыванию государственных податей и повинностей (Полоцкая, Витебская, Смоленская), определяли права шляхетства (Волинская, Киевская). С ними нам придется еще встретиться.

Уставные грамоты говорят об активной политической Областное собрание. жизни областей. Факты последующего и более раннего периода являются прекрасной иллюстрацией к характеристике уставных грамот. Источники дают возможность установить функционирование областных собраний — веч в Полоцке, Витебске, Смоленске, Киеве, Волыни. В собственно Литве областные собрания практиковались до половины XV века: так, Судебник 1468 года был составлен на Всесловном вече, „со всем посольством согадавши“, а в Жмуди до конца XV столетия. Состав таких собраний далеко не одинаков. На Волыни и в Киеве они уже имели печать резко выраженной сословности. Функционирующее вече всегда выступает, как верховный распорядитель земли. На вечех заметна партийная борьба „лучших и меньших“ людей. Эта борьба — специфическое достояние всех веч. Фактические отношения между двумя этими элементами были следующие: „меньшие меж себе раду чинят, а старшие науку дают“.

Впрочем, такие отношения по существу были только в идеале. Временами партийная борьба требовала вмешательства власти, и ничем иным, как только партийной борьбой, можно объяснить посылку грамоты в Полоцк в 1456 г. с тем, „чтобы местные бояре, мещане, дворяне, городовые и все посольство были между собою в згоде, а дела бы наши городские вершили все е общего согласия: по давнему сымались бы (собирали сейм) все вместе на том месте, где прежде издавна

собирались, а без бояр мещанинам, дворянам и черным людям сеймов не надобе чинити“. И в Смоленской земле эта партийная борьба резко бросается в глаза, в особенности в половине XV века, в момент сепаратистского движения, охватившего русские волости. Самые просьбы о подтверждении грамот могли быть формулированы только на сословном или всесословном вече. Даже в XVI в., когда сословность в общественных отношениях пустила уже глубокие корни, всесословность собраний еще не исчезла. Полоцк „по старому справовал, як Великий Новгород и Псков“.

IV. Литовско-польские унии и литовское общество.

Внешнее
положение
Литвы
и Польши.

Первая уния Литвы с Польшей есть результат довольно своеобразной политической комбинации, задуманной поляками в виде выхода из создавшегося в XIV в. международного положения дел. Литва и Польша были соседи и одинаково чувствовали свое стесненное положение. На Литву напирала немцы: литовские князья, занятые внутренними делами, не проявляли особенной активности по отношению к немцам, делавшим систематические набеги на пограничные литовские земли. Разорение последних было полное, и Ягайла, чтобы развязать себе руки на западе, уступил даже ордену Жмудь. Но и ценою уступки части территории мир не был куплен: набеги попрежнему продолжались. Положение поляков было несколько другое, но тоже не из блестящих. Те же немцы загородили выход на запад. Территория Польши значительно сократилась: она потеряла Силезию и Поморье, и Людовику Венгерскому (1370—1382) при избрании на польский престол было поставлено в виде условия возвращение Поморья. Впрочем, Людовик не думал об исполнении своего обязательства, приковав свое внимание к южным границам государства: Галицко-Волинская земля и Подолье были очень богатыми землями, лежащими на большом торговом пути. Раздобыть их для Людовика было важнее: это расширяло территорию его государства и укрепляло положение его династии в Венгрии. Борьба эта была старая: фактически Галиция была в польских руках, но Людовику, ссылавшемуся на то, что венгерские короли никогда не отказывались от Галиции и считали себя государями, удалось отобрать ее от Польши, включить в состав венгерского королевства и тем лишить Польшу всех приобретений, достигнутых Казимиром Великим. Только в 1377 году Ядвиге и малопольским панам удалось отобрать ее от венгерцев, но на Галицию и Волинь заявляли притязания литовцы. Добровольно литовцы не отдадут русских земель: борьба с ними под натиском немцев не входила в польские планы, и поэтому

польские дипломаты придумали мирное разрешение вопроса в виде женитьбы Ягайлы на Ядвиге. Такова сущность придуманной политической комбинации. К предложенной комбинации Ягайла отнесся сочувственно. С Ядвигой не особенно считались. Начались взаимные переговоры, кончившиеся заключением унии в 1385 году в Криве.

Условия соединения 1385 года явились только политической декларацией и в жизни не осуществились, не в них собственно заключается вся политическая программа польской дипломатии, неуклонно ею проводимая, хотя реализованная только в 1569 году.

Кривская
уния.

Условия Кривского акта были неприятны и тяжелы для национального самолюбия литовцев. Ягайла обязывается креститься в католическую веру и крестить своих братьев, бояр и свой народ: вернуть отобранные от Польши и Литвы земли, заплатить 200 тысяч флоринов неустойки бывшему жениху Ядвиги, отдать свои деньги на нужды Польши и, самое главное, „на вечные времена присоединить к Польше свои литовские и русские земли“. Таким образом, заветной мыслью была инкорпорация. Кривский акт был подписан самим Ягайлой и его братьями, за себя и за неприсутствовавших удельных князей. Если понимать точно смысл этого акта, то после коронации Литва прекращает свое существование, как самостоятельное государство, и литовско-русские земли низводятся до положения польских провинций. После коронации Ягайла потребовал от удельных князей присяги в верности польской короне за себя и за своих детей, с условием никогда от нее не отступаться. Они выдали ему присяжные грамоты. Впрочем, не все присяжные грамоты строго идентичны по содержанию. В части грамот не говорится о верности и послушании королю польскому и его жене, „велебной госпоже Ядвиге“; упоминается только про помощь и обещание никогда не покидать Польшу, не отделяться от Польши и не искать себе другого государя. Во всяком случае, полное молчание о Литве характерно для этих грамот, еще раз подчеркивающих превращение Литовского княжества в польскую провинцию.

Условия Кривской унии не были осуществлены. Пока говорить об инкорпорации было несколько преждевременно, и на деле Кривскую унию можно отнести к разряду так называемых личных уний и не более, но зато культурные последствия унии огромны, и с ними приходится очень и очень считаться.

Династические планы Ягайлы были встречены в Литве с негодованием. Условий унии не признала часть удельных князей и крупная знать. Слишком был непопулярен акт, говоривший о полной инкорпорации Литвы. Литовское бояр-

Литва
и уния.

ство, конечно, об этом не думало, рассматривая создавшиеся отношения между Литвой и Польшей, как личную унию, а об отказе от своей национальной самобытности не могло быть и речи.

Островское соглашение. Выразителем охватившего страну негодования явился Витовт, вступивший в борьбу с Ягайлой за национальную независимость Литвы. Боярство его усиленно поддерживало, и это заставило Ягайлу пойти на уступки, в результате которых и явилось Островское соглашение 1392 года. Новая уния радикально расходилась с актом 1385 года. В ней нет упоминания об инкорпорации Литвы: Витовт признавался великим князем стола, „на котором сидел дядя Ольгерд и отец Кейстут“. От Витовта потребовали только присягу „никогда не покидать королевы и короны польской“. После смерти Витовта все его владения переходят к королю и его преемникам и короне Польской, за исключением части земель, отданных брату Сигизмунду и записанных жене в виде вена. Витовт, как великий князь, хотя и зависел от польского короля, как верховного господаря, но фактически его действия самостоятельны: он стоняет удельных князей с их столов, принимает от них присягу, назначает на должности. Конечно, это было не то, о чем мечтала польская политическая мысль, но приходилось примириться, хотя и временно, с новым положением дела. Для литовцев условия Островского соглашения можно считать отчасти, приемлемыми: они гарантировали Литве автономный государственный режим и даже не без выгоды, так как обезсиленное княжество в лице Польши приобретало сильного союзника. В конце XIV века пошатнулось международное положение Витовта: его агрессивные действия против татар кончились крупной неудачей. На реке Ворскле (1399) литовцы были разбиты: гибель большей части военно-служилого класса ослабляла боевую готовность Витовта: к тому же среди удельных князей замечалось оппозиционное течение. Поляки нашли этот момент очень подходящим для возобновления переговоров об унии. Витовт, не чувствуя себя в состоянии противодействовать планам поляков, согласился подписать новый трактат об унии.

**Уния
1401 г.**

Условия унии несколько расходились с предшествовавшими трактатами, и хотя в некотором отношении были неприятны для национального самолюбия, но с этим пока пришлось примириться. В грамотах, выданных от имени Витовта, князей и бояр, давалось торжественное обещание помогать полякам во всех затруднительных обстоятельствах, заботиться об их интересах и после смерти Витовта не искать никакого государя, помимо польского короля. Такие же обязательства давали и поляки по отношению к Литве: в случае смерти

Ягайлы не избирать нового короля без согласия Витовта и литовцев. Новая уния признала за Литвой известного рода самостоятельность, хотя бы и связанную с именем только Витовта, и поставила ее в союзные отношения к Польше. Конечно, и такая постановка вопроса противоречила планам польской дипломатии. Новый акт унии был подписан князьями и боярами. Поляки не довольствуются уже подписями нескольких удельных князей: учитывая значение литовского боярства, поляки пожелали взять от них подписи в виде гарантии по исполнению условий унии 1401 года. Помимо этого, литовские князья снова выдали Ягайле присяжные грамоты. Поляки и после унии 1401 года не доверяли Витовту, и последнему приходилось по несколько раз выдавать Ягайле присяжные грамоты, в которых лишний раз подчеркивалась политическая зависимость Витовта от Ягайлы. Впрочем, обстоятельства скоро стали складываться не в пользу Польши. Витовту удалось упрочить свое положение, приняв деятельное участие в решении всякого рода международных дел. Под Грюнвальдом ему удалось нанести решительное поражение Ливонскому ордену, отомстив одним ударом за прежние набеги на Литву. При таком положении дела условия унии, признавшие за Литвой право на самобытный государственный режим до смерти Витовта, не соответствовала положению, и Литва явно стремилась к разрыву, сознавая свою силу и значение.

Поляки поэтому снова начинают переговоры об унии, и в 1413 году собрались на сезд в Городле на Буге, на котором присутствовала литовская знать и военно-служилый класс. Городельский сезд возобновил унию, но ее условия резко расходятся с содержанием предыдущих союзных договоров. Трактат 1413 года признавал за Литвой право на самобытный государственный режим. Литва и впредь будет иметь свою власть. При этом ставилось условием, что после смерти Витовта бароны и шляхта никого не будут иметь и не выберут великим князем литовским, помимо того, кого им даст Ягайла или его преемники по совету с польскими и литовскими прелатами и боярами. С другой стороны, польский король избирается с ведома и участия Витовта и бояр княжества.

Правда, в трактате есть статьи, упоминающие о более тесных отношениях Литвы к Польше, но эти заявления, противоречащие другим статьям трактата, не имели, конечно, никакого реального значения. Поляки при заключении унии учли значение боярства, взяв от него особую запись, в которой лишний раз подчеркивались союзные обязательства Литвы к Польше. Такую же запись выдали поляки литовцам. Таким образом, уния 1413 года значительно изменила содержание трактата

Городель-
ская уния
1413 года.

1401 г. Литва и после смерти Витовта будет иметь отдельного государя, связанного союзными отношениями с Польшей.

Проект коронации.

Литовские сепаратисты в 1413 году одержали большую дипломатическую победу. Но политическая мысль Витовта и боярства рисовала себе иные перспективы: Витовт и боярство задумали короновать великого князя короней, еще раз в торжественной обстановке заявив о реальной самобытности Литвы. Вполне понятно, что поляки всполошились, узнав о предполагаемой коронации, тем более, что в этих планах принимал активное участие Сигизмунд венгерский, старинный соперник Польши.

Ягайла послал послов к Витовту по поводу коронации. Но его противодействие не имело никакого влияния, и Витовт летом 1429 года формально заявил, что если Ягайла не прибудет на коронацию, то он коронуется и без него. Чтобы отклонить Витовта от этого плана и сохранить унию, Ягайла и паны предлагали ему польскую корону, так как Ягайла готов был отречься от трона. На Витовта это предложение не произвело никакого впечатления, и к коронации по старому шли приготовления. Однако коронация не состоялась: отложенная в первый раз, она вторично не могла состояться за смертью Витовта в 1430 году.

Итак, первый период в литовско-польских отношениях не оправдал надежд польской дипломатии. Литовское боярство сумело отстоять свою политическую самобытность, несмотря на внешние обстоятельства, не всегда складывавшиеся для Литвы благоприятно.

У. Национально-политическая борьба в XV в. и судьба унии.

Культурные результаты унии.

Заключив унию с литовцами, поляки не добились цели — «втеплення» в польский государственный организм Литвы. По крайней мере, во все время «панования» Витовта об этом не могло и быть речи. Но зато результаты унии довольно скоро сказались на религиозно-культурном быте литовцев. Согласно унии 1386 года, Ягайло принял сам католицизм и обещал крестить свой народ. Крестились, в общем, неохотно, и литовское боярство оставалось верно вере предков. И привилегии Ягайлы пока не давали существенных результатов. Политика Ягайлы в общем была очень благоприятна по отношению к католицизму. По существу, таковой оставалась и политика Витовта. Католицизм начал делать большие успехи после унии 1413 года, когда католики — бояре и шляхта получили ряд прав и преимуществ.

Борьба русского и польского влияния.

Вместе с католицизмом прививалась к Литве и польская культура, правда, захватывая пока только высшие классы. Польская культура столкнулась с русской, и победительни-

цей должна была оказаться та культура, на чью сторону стоит правительство. В Литве наступил период борьбы культурных влияний. Это не было мирное соревнование двух культур, благодаря которому лучше всего выясняется сила и значение той или другой из них. Под натиском польской культуры русской пришлось отступить и не потому, что она была ниже по своим качествам. К культурной борьбе надо присоединить и борьбу национальную, совпадавшую с первой и являвшуюся следствием тех отношений, в которые стала господствующая народность—литовская к русской национальности, составлявшей 90% всего населения в княжестве. Антагонизм русской и литовской национальностей уже предвещал привилей 1413 года, образовавший литовско-католическую аристократию и закрепивший за ней значение не только землевладельческого, но и правящего класса. Согласно привилею, все высшие должности, установленные по польскому образцу—воеводы, каштеляны—могли даваться только литовцам-полякам. Они же составляли при князе и особый совет-раду. Благодаря привилею 1413 года, литовская народность заняла господствующее положение в государстве. Оно особенно резко выразилось в борьбе Витовта за самостоятельность великого князя литовского. Привилегированное положение литовской народности пробуждало соответствующее чувство недовольства среди русских. Борьба земель аннексов с собственно Литвой намечалась уже при Витовте, но ему кое-как удавалось держать в равновесии враждующие силы. Положение Витовта было тем затруднительнее, что за спинами русских скрывались враждебные Витовту удельные князья, не желавшие помириться с потерей своего прежнего политического значения. Антагонизм двух народностей, к которому присоединился и сепаратизм удельных князей, сейчас же вскрылся после смерти Витовта. Поляки и литовцы, конечно, были взволнованы смертью Витовта. Обе стороны надеялись учесть это явление в выгодную для себя сторону. Ни та ни другая сторона и не думала об исполнении соответствующих статей Городельского акта. Впрочем, поляки в своем отрицании Городельской унии могли опереться на предсмертное заявление Витовта о возвращении обратно Ягайле полученного от него великого княжества. Благодаря этому заявлению, литовское государство снова утрачивало свою самобытность, и создавалось весьма неблагоприятное для литовцев положение дел в духе Кревской унии 1385 года. Конечно, литовское боярство должно было найти выход из создавшегося положения. Но само по себе оно все-таки было слишком слабо, чтобы действовать решительно. Это и определило сближение литовского магнатства с русскими князьями и боярами. Собравшись все вместе на

съезд, они, вопреки акту 1413 года, без согласия Ягайлы и польских панов избрали брата Ягайлы, Свидригайлу, великим князем. По словам современника, выбор был единодушным, и по своим свойствам он решительно удовлетворял и Литву и Русь. Литва симпатизировала Свидригайле, как убежденному противнику унии. Возведя его на престол, литовские магнаты могли надеяться встретить в великом князе силу, которая будет в состоянии дать Польше соответствующий отпор. Для Руси—это был не только противник унии, а и защитник национальных интересов русского народа, о которых начинали забывать благодаря господствующему положению литовского магнатства и влиянию на него польской культуры. По существу, обе стороны оценивали Свидригайлу с разных точек, фактически непримиримых, и начавшееся сближение Литвы и аннексированных земель должно было прерваться; избрание Свидригайлы великим князем, конечно, для поляков было большим дипломатическим поражением, и чтобы сохранить за Польшей хотя бы тень верховной власти над Литвой, Ягайле оставалось одно — утвердить избранника на великокняжеском столе, хотя такая политическая комбинация не предусматривалась никакими унитарными договорами.

Последствия
избрания
Свидригай-
лы.

Избрание Свидригайлы было чревато своими последствиями. Оно повело к решительному возвышению Руси. Новый государь окружен русскими людьми, среди которых встречались и литовцы-католики. Во всяком случае, исключительному политическому господству литовцев был нанесен сильный удар, что впоследствии было оценено литовскими магнатами. С Польшей же Свидригайла сразу стал во враждебные отношения. Поляки поддерживали свои старые притязания на Подолье. Свидригайла с этим не согласился, и между обоими братьями началась упорная и долгая борьба.

Заговор на
жизнь Сви-
дригайлы и
избрание
Сигизмунда.

Политическая деятельность Свидригайлы, выдвигавшего повсюду русский элемент, встретила в Литве враждебное отношение. Литовцы боялись потерять свое первенствующее значение в государстве, и единственным для них выходом было избрание нового великого князя, который уже не изменит литовской народности. Литовцы решились на государственный переворот, заранее обезпечив себе согласие Ягайлы и польских панов: для последних Свидригайла был опасен, как убежденный сепаратист и защитник Подолья от польских притязаний. При благосклонном содействии Польши был организован заговор. Заговорщики, во главе с князем Сигизмундом Кейстутовичем, княжившим в Стародубе, в сообщничестве других литовских князей и магнатов, напали в городе Ошмянах на Свидригайлу, захватили в плен его семью, а сам Свидригайла успел убежать в Полоцк. Сигизмунд от имени

Ягайла был провозглашен великим князем, тоже вопреки унии 1413 года; но литовскому магнатству, под напором враждебной Руси и других союзников Свидригайлы, не приходилось ждать: нужно было поскорее использовать создавшееся положение дел, даже ценою уступок полякам. И Ягайла решил использовать переворот 1431 года в интересах унии. Им было послано в Литву посольство, которому были даны большие полномочия на подтверждение и возобновление унии обоих государств и для исправления некоторых статей. Обе стороны съехались в Гродне в 1432 году, где и выработали новое унитарное соглашение.

Новый трактат признавал Сигизмунда пожизненным соправителем польского короля. После его смерти великое княжество переходит к Ягайле, за исключением отчинных владений, поступающих в законное распоряжение наследников Сигизмунда. Подолье уступалось Польше „со всеми местами, замками и округами“. Та же судьба постигала и Волынь, но ее сначала нужно было завоевать, а потом думать о присоединении к Польше. Как бы уступая литовским сепаратистам, трактат 1432 года обуславливал присоединение Волыни только после смерти Сигизмунда. Великий князь обязывался быть верным союзником и защитником Польши, а чтобы отнять у литовцев всякую надежду на самостоятельность, — Сигизмунда заставили дать обещание не обольщаться ничьими подговорами и не хлопотать о королевском венце без ведома и согласия польского короля и его преемников. Союзный договор скреплялся подписями литовских магнатов — свидетелей переговоров. Уния не предreshала в будущем инкорпорации, так как допускала возможность избрания преемника Сигизмунду, но только при обязательном участии обеих сторон. Новая уния была делом рук литовского панства, испугавшегося наплыва русского элемента, а следовательно, и потери приобретенного влияния. Сравнительно с условиями унии 1413 года новый договор был менее выгоден литовскому боярству: в нем вопрос о литовской самобытности в сфере государственных отношений был связан с личностью Сигизмунда и носил, таким образом, временный характер, что являлось отчасти возвращением к условиям третьей литовско-польской унии. По существу, подобную политику можно считать ущербом национальному делу, на что магнаты решились ввиду исключительных обстоятельств: в целях подавления и уничтожения выступившего на историческую сцену русского элемента.

Уния 1432
года.

Литовское боярство и поляки посадили Сигизмунда Кейстутовича на великокняжеский стол без ведома и согласия русских князей и панов. Ни Ягайла, ни магнаты не были расположены считаться с политическим влиянием и значением

Привилей
1432 года.

русского населения. Тем не менее, обстоятельства заставили польского короля пойти на уступки, ради примирения населения русских областей с совершившимся государственным переворотом: одновременно с ним Ягайла опубликовал новый привилей. Привилей 1432 года уравнивал в правах литовскую и русскую шляхту, распространяя на нее действие привилея 1413 года. Распространение привилея 1413 года на русскую шляхту объяснялось желанием „дабы на будущее время между обоими народами не было розни или какого-нибудь неравенства, коими может наноситься ущерб государству, чтобы все, утешенные одинаковыми милостями, единодушно и согласно, с одинаковым рвением и постоянством радели о благе и преуспевании государства, ревностно и верно исполняли повеление короля Ягайлы и его брата, великого князя Сигизмунда“. Впрочем, для польской политики опубликованный привилей не мог иметь большого значения: его действие распространилось не на все земли-аннексы, а только на Русь Литовскую: да к тому же пользование правами связывалось с принадлежностью к католическому вероисповеданию, которое среди русской шляхты XV века было распространено относительно слабо. Привилей 1432 года не отменил соответствующих статей Городельского привилея.

Свидригайла и Сигизмунд.

Земли-аннексы не признали происшедшего переворота и оставались верны Свидригайле. Поддержанный знатью и удельными князьями—сепаратистами по убеждению, Свидригайла начал борьбу с Сигизмундом, на стороне которого было крупное магнатство Литвы, Жмуди и мелкий военно-служилый класс Подляхия, оценивший значение привилея 1413 года. Численное превосходство было на стороне Свидригайлы, зато противники лучше могли направить свои силы против врага.

Во время хода военных действий Свидригайла сделал немало тактических ошибок, давших перевес литовскому оружию, поддержанному поляками в надежде на присоединение к Польше Подолии и Волыни, так как полная инкорпорация фактически в данное время была невозможна. Военные действия в общем затянулись надолго, чему, конечно, способствовало национальное упорство русских областей, а с другой стороны, внутренними усобицами воспользовался Прусский орден, чтобы пачать войну с Польшей. Как только Сигизмунд Кейстутович сел на литовском столе, Ягайла захватил западное Подолье, прогнав оттуда наместника Свидригайлы, а затем вступил в оставленный Свидригайлой Владимир, приступив к осаде Луцка. Так Волынь попала в руки поляков. Для примирения обывателей Волыни с Польшей Ягайле пришлось пойти на существенные уступки, выдав Луцкой земле особый

привилей — князьям, панам, прелатам и рыцарям земли Луцкой, как римской, так и греческой веры.

Это было сделано по просьбе перечисленных лиц, готовых принять польское подданство. Согласно привилею, права и вольности шляхты королевства польского распространялись на соответствующие станы Луцкой земли. Впрочем привилей не имел практического значения: Луцкая земля перешла на сторону Свидригайлы, но он избыточен, как факт, указывающий на ближайший курс польской политики по отношению к русским областям. Последовавший затем разгром Литвы и Черной Руси заставил Ягайлу заключить перемирие, согласно которому западное Подолье осталось за Польшей, а о Волыни не было и речи.

Положение Сигизмунда было довольно затруднительно: к нему в оппозиции находились не только русские земли, но и литовское магнатство, не говоря о других общественных элементах в Литве: магнаты, принявшие по необходимости из рук Ягайлы Сигизмунда, обращались с ним свысока и не признавали ни заключенной унии ни его авторитета. И второе скрепление унитарного договора, для чего Ягайла специально приехал в Литву, не достигло намеченной цели: если литовские potentаты дали на нее свое согласие, то всецело из боязни поглощения Литвы Русью, в надежде с помощью Польши подчинить восставшие русские земли.

Сигизмунд и Ягайла, желая ослабить Свидригайлу, выдали в 1434 году населению новый привилей, являющийся всущности повторением хартии, изданной два года тому назад, Впрочем, с некоторыми дополнениями, о которых придется говорить ниже. Разнь католиков и православных была закреплена и новой хартией, по духу польско-католической.

Борьба Сигизмунда и Свидригайлы.

Первоначально район военных действий ограничивался пределами Черной Руси и Литвы, но в 1437 году Сигизмунду удалось нанести своему противнику жестокое поражение под Вилкомиром, вслед за которым от Свидригайлы отпали Полоцк, Витебск и Смоленск. Ему оставались пока верны Волынь, Киевщина, Подолье и Чернигово-Северская земля. Сознавая, что один он не в силах бороться с польским королем и литовским великим князем, Свидригайла решился на акт, которому поляки впоследствии придавали огромное значение: он согласился сдаться польскому королю и короне Польской со всеми своими подданными, замками, местами и селами... По смерти Свидригайлы отчина его и все владения, которые принадлежат и будут принадлежать ему, должны перейти к королю и короне Польской.

Так возникло вассальное русское княжество, оторвавшись от Литвы но этот договор не был утвержден польским

сеймом. Борьба продолжалась и окончилась только в 1439 году полным поражением Свидригайлы, в руках которого оставалась восточная часть Подолия. Но и Сигизмунд не удержался на престоле. Тиранический характер и крупные территориальные уступки погубили его. Магнаты Литвы хотели исправить также условия унии 1432 года 1434 года. Великий князь был убит, и для литовской дипломатии предоставлялся полный простор в деле восстановления литовской автономии и возвращения обратно уступленных Польше русских областей.

VII. Примирительная политика Казимира и дальнейшая борьба против унии.

Казимир
Ягеллончик
(в Польше
Казимир
IV).

При избрании преемника Сигизмунда литовской аристократии приходилось остановить свой выбор на таком кандидате, который не только являлся бы сторонником литовской государственной автономии, но и не был бы противником магнатства. Первое время, когда заходила речь о преемнике Сигизмунда, среди литовской аристократии не было требуемого единодушия. Возникли партии, выдвигавшие того или другого кандидата на престол. Были даже сторонники кандидатуры Свидригайлы, но, конечно, она успеха не могла иметь. Правда, Свидригайла был сторонником автономического государства, но его связь с русским населением служила доказательством того, что симпатии его будут не на стороне литовских магнатов, и им от него нечего ждать.

Выдвигалась кандидатура и сына убитого Сигизмунда, но пока отпадала из боязни, что сын пойдет по стопам своего отца по отношению к магнатам, да к тому же будет мстить за смерть отца. В конце концов взяла верх партия, выставившая кандидатуру Казимира Ягеллончика (сын Ягайлы). Последнему было только 13 лет, за его малолетством, правление должно было перейти в руки магнатов: это укрепляло положение магнатства, да и унитарный вопрос мог бы разрешен иначе. Польское правительство не сочувствовало предложенной кандидатуре, прекрасно сознавая, что это сразу изменит характер литовско-польской унии. Недаром король соглашался отпустить Ягеллончика в Литву только в качестве наместника, хотя это было бы нарушением условий унии 1413 и 1432 г. Ввиду таких действий короля, литовские магнаты объявили о расторжении унии и провозгласили великим князем Казимира. Польское правительство не признало происшедшей перемены, отказывало в признании за Казимиром великокняжеского титула, но литовское магнатство пока игнорировало недовольство польского правительства (1440).

Избрание Казимира было делом только одного литовского магнатства и вызвало недовольство не только в одних русских областях, но также и в демократической Жмуди и мелкопоместной Подолии, стоявшей на стороне Михаила Сигизмундовича: часть Волыни была в руках Свидригайлы. Впрочем, это движение было менее опасно, чем восстание Свидригайлы. Каждая область действовала особняком, на свой страх и риск, и литовскому правительству удалось без труда подавить сепаратистское движение. Так, Смоленское вече, прогнавшее великокняжеского наместника и избившее бояр, сначала призвало к себе особого государя. Мстиславского князька Юрия Мингвьевича. Но утвердиться ему в Смоленске не удалось. Его резко-демократическая политика и склонность к полному сепаратизму принудили литовское правительство поскорее принять соответствующие меры и возвратить Смоленск обратно Литве. Смоленску в скором времени пришлось принять обратно княжеского наместника но чтобы привязать прочнее Смоленскую землю к княжеству, Казимир выдал ей подтвердительный привилей на права и вольности, пожалованные Витовтом. Такие же подтвердительные привилеи получили земли Полоцкая и Витебская, вероятно, в 1451 году, когда в Литве происходил общий сейм великого княжества. Отпавшая Киевская земля скоро была обратно возвращена Литве, и ей дали бывшего киевского воеводу Олельку. После смерти его сына Семена княжеский уряд был уничтожен раз навсегда, и Казимир в 1471 году выдал Киевской земле новый привилей, включив туда все права и вольности населения, завоеванные при последних князьях. Возстание в Жмуди не потребовало вмешательства военной силы. Умелыми переговорами убедили жмудинов признать власть великого князя, а для закрепления состоявшихся переговоров Казимир выдал в 1492 году подтвердительную уставную грамоту. Совершенно мирной политики держалось правительство Казимира по отношению к Волыни, оставшейся вместе с восточным Подолем в руках Свидригайлы, признавшего в 1445 году Казимира великим князем. После смерти волынского князя, его области, согласно завещанию, перешли к Казимиру, который выдал волынской шляхте привилей, снабдив его новыми правами и вольностями. Наконец, чтобы успокоить мелкопоместную шляхту Подоля, Казимир привилеем уравнивал ее в правах с польской шляхтой. В общем, удачными мерами Казимиру вновь удалось собрать воедино рассыпавшееся Литовское государство.

Первое время „панованя“ Казимира поляки не поднимали вопроса об унии, словно примирившись с совершившимся фактом. Но затем обстоятельства начали складываться в бла-

Избрание
Казимира
на польский
престол.

поприятном для Польши отношении Польский престол в 1444 году стал вакантным, и поляки решили пригласить на польский престол Казимира.

Актом избрания Казимира на польский престол (1447 г.) сразу создавались подходящие условия для возобновления унии на началах инкорпорации. Предложение поляков поставило Казимира и литовское магнатство в довольно затруднительное положение, но затем, когда в Польше стали выдвигать другую кандидатуру „быть может, только по тактически соображениям, решено было принять корону“, но не соглашаться на унию на основании старых трактатов. Так снова унитарный вопрос был поставлен на очередь. Литовские паны соглашались на принятие Казимиром польской короны, но под условием сохранения в неприкосновенности государственной территории и самостоятельного государственного режима. Действительно, литовским панам, приехавшим в Брест для заключения унии, удалось взять от короля особую клятвенную запись, в которой Казимир признал существование только оборонительного союза между Литвою и Польшею, а земли Луцкую, Подольскую, Ватно, Ветлы, Лопатин и Олеско—территории, на которые заявляла притязания Польша, землями литовскими. Литовцы отстаивали свой государственный режим и получили от короля право после смерти Казимира избрать отдельно или с поляками особого великого князя, „что было возвращением к договору об унии 1413 года“. Правда, эта запись имеет более идеальный характер: с ней поляки никогда не считались. Нооборот, как только состоялся первый сейм в присутствии избранного короля, поляки потребовали подтверждения, что Подолье и часть Волыни остаются за Польшей, как бы в отместку за несостоявшиеся перед тем переговоры, согласно которым поляки предлагали литовцам для уничтожения всяких недоразумений между обоими сторонами — слияние в одно государство, с одним королем, с одинаковыми для шляхты правами и вольностями. Литовское магнатство не согласилось на подобную комбинацию. Но и Казимир не дал никакого ответа на требование поляков, отказавшись подтвердить их права и вольности, пока они не выяснят своих отношений к литовцам. Положение Казимира было довольно затруднительным: уния не налаживалась: ему не доверяли ни поляки, ни литовцы, а русские аннексированные земли, пользуясь затруднительным положением Литвы, как выше было указано, стремились к полному отделению. В целях примирения Руси и Литвы и привлечения на свою сторону более широких слоев в русской шляхте, Казимир 2 мая 1447 г. опубликовал новый привилей. Его содержание шире других привилеев, и главное его отличие от привилеев 1413,

1432 и 1434 г. — это распространение прав и вольностей на все русское население княжества, но статья конфессионального характера осталась неотмененной: занимать должности по-прежнему могли только католики. В опубликованном привилее для польско—литовских отношений имеют огромное значение статьи о замещении разных урядов только туземцами и обещание держать Литовское княжество в тех границах, в каких оно было при Витовте, и защищать его. (*In eisdem limitibus integre et plenarie tenere et defendere*). Унитарный вопрос впоследствии выдвигался на очередь не раз, но решить его в том или другом направлении так и не удалось. Во время всего господства Казимира отношения Литвы к Польше оставались неопределившимися, хотя старые земли поляки рассматривали, как присоединенные к Польше. Патриотического чувства Литвы не успокоили и антипольские статьи привилея 1447 года: литовцы тяготились унией и хотели иметь отдельного князя в лице одного из сыновей Казимира, но последний не согласился, и литовскому магнатству оставалось ожидать с нетерпением смерти короля и великого князя. В 1492 году король умер. Смерть господара подняла упавший дух литовского магнатства которое, игнорируя поляков, немедленно избрало на престол сына Казимира, Александра: соответствующие статьи уний таким образом были нарушены литовцами, как раньше поляками.

Последние избрали королем его брата Альбрехта. При избрании на престол Александра, литовская аристократия заставила нового господара выдать привилей, подтверждающий прежние льготы и права и закрепляющий за магнатами то решающее положение, которое они фактически занимали в сфере государственной деятельности, благодаря постоянным поездкам Казимира в Польшу. Привилей 1492 года не дал никаких новых прав шляхте, но, закрепляя за аристократией, как членами „господарской рады“ активное участие в сфере внутренней и внешней политики, новый господарь существенно ограничивал прерогативы своей власти. Для литовских магнатов подобный привилей являлся необходимостью: только взяв кормило правления в свои руки, магнаты могли быть уверены в сохранении литовской независимости. В общем, привилей 1492 года юридически конструировал положение боярства, основанное на обычае. Новость—прочные правовые гарантии. Но вопрос об унии скоро стал очередным. Затруднительное внешнее положение, благодаря борьбе с Москвой, заставило искать союза с Польшей. Новое соглашение было подписано в 1499 году, и условия его могли быть относительно приемлемыми для литовцев. Уния 1499 года признала за Литвой права на самостоятельный государственный режим,

Александр
и Альбрехт

причем Литва становилась к Польше в те же отношения, в каких она находилась раньше, согласно трактатам 1413 и 1432 гг. Но и новая уния оказалась недолговечной.

Избрание
Александра
на польский
престол и
уния 1501
года.

В разгар военных действий с Москвой умирает польский король, и литовцы сами поднимают вопрос о приглашении Александра на польский трон. Затруднительное положение Литвы было учтено поляками, решившими воспользоваться данным моментом для реализации давнишних политических мечтаний. Уния 1501 года по своему содержанию резко отличается от предыдущих трактатов: отныне Литва и Польша сливаются в одно государство, будут иметь одного государя, выбираемого на общем польском литовском сейме, одну монету, но разные суды и должности. Оба государства будут неразлучны в счастье и несчастье. Признавая за прежними договорами обязательную силу, уния 1501 года для литовцев, конечно, была неприемлимой, но все-таки магнатам пришлось подписать ее. Впрочем этот Мельницкий трактат на практике не был осуществлен. Польша слабо помогала Литве в ее войне с Москвой, а литовское правительство продолжало рассматривать себя, как представителя независимой в политическом смысле Литвы. Поэтому уния 1501 года интересна как показатель, к каким конечным результатам стремилась польская дипломатия.

Сигизмунд
(в Польше I)
Старый.
(1506-1548).

В 1506 году снова унитарный вопрос стал очередным. После смерти Александра литовцы не поехали на общий сейм, а на собственном сейме избрали „единогласной волею“ великого князя Сигизмунда, брата Александра. Поляки сделали то же самое у себя дома, пока не затрагивая и не обсуждая никаких вопросов из области государственного права. Собственно, с избранием Сигизмунда, независимо от желания литовцев, условия Мельницкого трактата отчасти осуществились: Литва и Польша имели одного государя. Это самое главное. Остальное можно привести в исполнение в зависимости от дальнейшего хода дел.

VIII. Оппозиционные брожения на Руси и внешнее положение Литвы.

Отношение
русских зе-
мель к Ли-
товско —
Польским
униям.

Привилей 2-го мая 1447 года отчасти примирил русскую шляхту с политикой Казимира. Получив ряд прав и привилей, русская шляхта с этого времени перестает враждебно относиться к унии с Польшей, ради полного уравнивания с поляками и ослабления влияния литовских магнатов. Изданием же судебника в 1468 году, по своей терминологии и по многим статьям совершенно гармонирующего с Русской Правдой, правительство тоже шло навстречу русскому населению, закрепляя в кодексе стародавние судебные обычаи, усвоенные

к этому времени и литовцами. В общем, политика компромиссов отчасти примирила русскую шляхту с Казимиром и господством Литвы, но о полном примирении пока не могло быть и речи, раз русский элемент попрежнему находился на втором месте. Вот почему русская шляхта не раз примет участие в движениях против Литвы.

Но та же политика не могла встретить никакой поддержки и сочувствия в русской аристократии. Православные русские князья не могли мириться с существующим положением дел: политика Казимира не только была направлена на уничтожение уделов, но она также не давала русской аристократии никакой возможности играть какую бы то ни было политическую роль, благодаря сохранению конфессиональных статей в привилее 1447 года. Все это определило отрицательное отношение к политике Казимира и регулировало дальнейшие поступки русской аристократии. В 1471 году умер Киевский князь Семен Олелькович. Правительство послало в Киев наместника, и хотя киевляне не желали стать на положение литовской провинции и просили оставить им какого-нибудь князя, но в конце концов им пришлось уступить и принять княжеского наместника-литовского магната Гаштольта. И на Волынь после смерти Свидригайлы был послан наместник. Такая политика Казимира вызвала большое движение среди русских князей, во главе которых стал брат последнего Киевского князя, Михаил Олелькович. Русские князья выработали определенный план действий, целью которых был захват великокняжеского стола и передача его одному из князей южно русских которые не будут уничтожать удельных традиций. Но политика удельных князей потерпела полное крушение: Казимира во время предупредили; князья были схвачены и казнены.

Русские
князья и
Казимир IV
Ягеллончик.

Заговор русских князей в 1481 году интересен и в другом отношении: заговорщики действовали не без надежды на московскую помощь, за что, как сообщают некоторые современные компиляторы, группа князей уступала Московскому князю часть русских земель по реку Березину, хотя официально проверить эти факты невозможно. Вообще, отношения князей к Московскому князю остаются до сих пор невыясненными, хотя тяготение князей в Москве несомненно. Только опираясь на великого князя Московского, русские князья надеялись сохранить за собою свои княжества, подобно тому, как Литва с помощью Польши надеялась провести свою политику уничтожения уделов. Для Московских князей обращение к ним русских князей за помощью давало подходящий повод для вмешательства во внутренние дела Литовского государства под предлогом защиты русской национальности и веры, угнетаемой католиками, но, конечно, главным мотивом

Москва и
Литовско-
Русское го-
сударство.

для вмешательства была собирательная политика Московских князей, поставивших себе задачей объединение не только северо-восточной Руси, но и включение в состав Московского государства русских областей, отошедших к Литве. Это определило вековую вражду Литвы и Руси. Враждебные отношения Литвы и Москвы давнишние: всегда обе стороны относились друг к другу с подозрением и не желали дальнейшего усиления соперника. Пока силы обоих государств были приблизительно одинаковы, обе стороны не доводили дела до решительного столкновения, стараясь всячески помешать усилению друг друга. Вполне понятно, что сепаратизм великорусских князей встречал такую же поддержку в Литве, как в Москве поддерживали удельных князей русских. Эта противоположность политики литовской и московской выяснилась еще при Витовте, к объединительной политике которого в Москве относились с большим подозрением.

Вопрос о
Смоленске.

Захват Смоленска указывал на необходимость вмешательства для прекращения дальнейшего усиления Литвы, тем более, что в Смоленске сформировалась московская партия во главе с рязанским князем и просила Москву о помощи. Впрочем, вмешательство не помогло. Смоленск остался за Литвой, и на восточной границе он долго будет яблоком раздора между обоими государствами. В конце княжения Витовта тверские и рязанские князья вступили с Витовтом в соглашение, обещая быть „с ним заодно“. Интересы Литвы и Москвы сталкивались еще в Новгородской земле.

Великий
Новгород.

Новгородская аристократия всегда боялась пивеллирующей московской политики и тяготела к Литве и ее политике уважения областной самостоятельности. Литовские князья не раз появлялись в Новгороде, правда, на короткое время. Наконец, в 1478 году, когда Иван III готовился нанести новгородцам окончательный удар, они решили сдаться Казимиру при условии сохранения в неприкосновенности местного строя и местных правовых обычаев. Это обращение к Литве фактически было бесполезно: у Литвы и дома было много дела, оказать какую—нибудь существенную поддержку Новгороду она не могла. Впрочем, перевес Москвы над Литвой сказался еще в 40 годах, когда Тверь, Новгород, Псков, отчасти Рязань попали в сферу московского влияния. Уже тогда наметились результаты будущей борьбы Литвы и Москвы.

Чернигово-
Северская
земля.

Пока шла борьба Москвы с удельными князьями, Литва давала убежище последним, но при Иване III уделы были уничтожены: границы Литовского и Московского государств соприкасались друг с другом: пограничные Чернигово-Северские князья начали переходить на сторону Москвы под предлогом угнетения православной веры. Литовское правительство

не признавало законности этих переходов и пыталось воздействовать на Московское правительство дипломатическим путем; последнее средство не помогло: борьба была неминуема, но кончилась для Литвы неудачно: пограничные волости князей Новосильских, Одоевских, Ворожичских—все отошли к Москве, причем обе стороны обязывались взаимно не принимать князей с их волостями. Впрочем, переходы не прекращались: Москва как бы игнорировала существовавший трактат. И выдача замуж Елены Ивановны за литовского князя Александра не только не примирила враждующих сторон, а явилась лишним поводом для дипломатических переговоров и военного вмешательства под предлогом нарушения брачного договора и насилия над религиозными убеждениями Елены. В 1500 году перешел на службу в Москве ряд князей, потомков выходцев из Москвы. В общем поддалась вся Черниговская земля, и начавшиеся военные действия докончили присоединение Черниговских земель, окончательно отошедших к Москве по миру в 1503 году.

Конечно, перемирие 1503 года могло иметь только характер передышки в военных действиях, утомивших обе стороны.

Слишком уже непримирима была политика Московского князя, объявившего русские земли в Литве своей вотчиной. Непосредственно после смерти князя Александра Василий Иванович писал своей сестре, чтобы та рекомендовала литовским панам избрать его великим князем при условии сохранения латинской веры в неприкосновенности, а также прав литовцев. Впрочем, кандидатура не имела успеха. Затруднительное внешнее положение осложнилось волнениями внутри самого Литовского государства.

Виновником их был князь Михаил Глинский, представитель русской партии при дворе великого князя Александра, занимавший важный пост маршалка дворного и имевший большое влияние на самого великого князя. После смерти последнего, положение Глинского значительно пошатнулось. Литовская партия снова усилилась. Тогда Глинский, войдя в сношение с Московским князем, поднял восстание, конечной целью которого, кажется, было возведение на литовский стол Глинского и образование нового западно-русского княжества. Однако, это движение потерпело полную неудачу: северо-западная русская шляхта, уже окатоличенная и воспользовавшаяся всеми правами привилеев, осталось верна Сигизмунду.

Михаил Глинский и потеря Смоленска.

Наоборот, православное киевское земляństwo, на которое, благодаря конфессиональным статьям, распространялись не все блага польского права, поддержало Глинского. Движение Глинского обнаружило симпатии части шляхты к Польше, а

сочувствие православного землячества Глинскому намечало польской дипломатии дальнейший план действий для привлечения на свою сторону и православного землячества: надо было уравнять в правах православную шляхту с католической, уничтожив соответствующие статьи привилегий, что, впрочем, было сделано только в 1563 году, когда выяснилось, что без поддержки русской шляхты невозможно incorporation части территории. Внутренними волнениями в Литве воспользовался Василий Иванович, захвативший Смоленскую землю.

Восстание Глинского, поднятое в интересах русской народности, было последним аккордом национальной борьбы в государстве. К началу XVI века национальный вопрос стал менее острым: уделы уничтожены, князей оставалось мало, и материальное положение их было очень плохо, многочисленная шляхта, начавшая пользоваться всеми правами, дарованными привилегиями, пока была довольна достигнутыми политическими успехами, хотя политика магнатства и его привилегированное положение не встречали в шляхте сочувствия. Антагонизм шляхты и магнатства, как результат его, дальнейшие политические успехи шляхты — это был вопрос будущего, впрочем весьма недалекого. Помимо борьбы с Москвою, Литве приходилось выдерживать и жестокие нападения татар Крымской орды, выделившейся из Золотой орды.

Литва и
татары.

Собственно с татарами Литва была знакома и раньше, как только русские земли признали гегемонию Литвы. Русским князьям и под верховенством Литвы приходилось посылать татарам дань, но Литве все-таки пришлось столкнуться с татарами из-за Подолии, которая и была отнята у татар. Когда окончательно сформировалась Золотая орда, литовские князья поддерживали с нею мирные отношения, находя в татарах надежного союзника против Москвы. Благодаря такой политике, литовское-русское государство почти не знало татарских набегов. Впервые Литва почувствовала на себе татарскую руку после поражения Витовта на реке Ворскле (1399 г.) Впрочем, и это враждебное столкновение явилось результатом того, что в орде произошла перемена ханов, и престолом завладел хан, соперник Тохтамыша, которого поддерживал Витовт. После битвы на реке Ворскле татарские набеги стали хроническими, но вся их тяжесть падала на русские земли. Особенно страдали Киев и Подолье. Правда, литовское правительство принимало ряд мер по укреплению границ, в виде постройки валов и крепостей, но и это мало помогало, и набеги продолжались. Еще стало тяжелее окраинным землям после распада Золотой орды (полов. XV века.). Крымские татары сначала были в союзе с литовцами, но союзные отношения прервались. Крым изменил свою политику по отноше-

нию к Литве, отчасти под влиянием Московских князей, толкавших Гиреев на путь разорения Литвы. В течение XV и XVI веков набеги были почти непрерывными. Южно-русские земли превращались в пустыни, население разбредалось.

Местности с богатейшими почвенными условиями, лежащие на большой торговой дороге, фактически были вычеркнуты из пределов государства. Правительство, занятое другими вопросами, почти не принимало мер для защиты населения, которое толпами уводили в плен, а затем продавали на восточных рынках.

Только положение Литвы на западе можно признать удовлетворительным: Литве удалось после упорной борьбы нанести еще раз серьезное поражение ордену, лишив его части владений. Поморье и часть Пруссии отошли к Польше.

Литва
орде

IX. Общественный строй в Литве до половины XV века.

1) Военно-служилый класс.

Ни Литва ни Русь, конечно, не могли остановиться на тех формах социально правовой жизни, которые были выработаны в древнейший период. Сущность эволюции в общественных отношениях и заключалась в постепенном образовании сословий, и в получении высшим сословием, шляхетством все больших и больших прав. С приобретением шляхтой прав, конечно, исчезло относительное равновесие в общественных отношениях. Экономически наиболее сильные и наделенные разными правами стали во главе общества, а экономически слабые — крестьяне постепенно теряли свою гражданскую правоспособность и дееспособность, попадая в крепостную неволю. Промежуточное место занимали мещане, имевшие особое положение в литовском обществе.

Разви
сослов

Процесс образования в Литве шляхетского сословия заслуживает большого внимания, так как и до сих пор в деталях он остался невыясненным. Но нельзя придавать в этом процессе польскому влиянию того огромного значения, как это делают некоторые историки. Отрицать польское влияние, конечно, невозможно, но учесть его влияние надо по-иному. Польское право само по себе не создавало никакого сословия и не разрушало бессословности строя. Оно только юридическими нормами закрепило те отношения, которые фактически создались между разными общественными группами под влиянием разных условий.

Образов
шляхет
1) Сос
его.

В древнейшем периоде, как известно, не было сословий, но уже тогда сложились подходящие для этого элементы, занявшие особую позицию в общественных отношениях, благодаря своему экономическому значению, как представители крупного

а) бояр

землевладения. Они же составляли княжескую дружину, были членами княжеской думы, имели большое моральное влияние на вечевых сходках. Состав такого боярства не был постоянным: звание боярина не было наследственным — оно жаловалось князем: многие могли по разным причинам не сохранить своего положения, да и в среду самого боярства всегда удавалось проникнуть новым элементам.

Бояр—землевладельцев можно найти во всех русских землях, они выступают всегда в сопровождении собственных дружинников—послужильцев. Уставные грамоты, выданные при Витовте, считаются с этой местной аристократией, княжеской и боярской. Она выделена в грамотах в виде особой общественной группы. В Галиции боярам удалось даже осилить князей и стать заправилами земли, и все попытки Даниила и его потомков подавить „крамолу“ и смирить „безбожных бояр галицких“ фактически кончились ничем. Галицкое боярство сохранило добытую позицию. Вероятно, в Галиции, отошедшей к Польше, сословность строя потому так рано определилась, что предыдущее развитие наиболее подготовило Галицию к утверждению сословности. И в старых литовских землях еще до образования княжества выделялась знать, которую немецкие хроникеры называют *priepotentes*, *potiores domini*, *nobiles*, *die Edelsten*. Особенно был силен класс землевладельческой аристократии в Жмуди: он отстаивал местную автономию и независимость и благодаря своему престижу подчинил себе народную массу. С образованием великого княжества вся эта литовская знать сохранила свое положение, принимая активное участие в делах по управлению государством и заседа в думе князя. Такую думу около себя имел не один только великий князь: думцев имели и удельные князья, и желание удельного князя опереться в своей деятельности только усиливало местную аристократию. Эти думцы — *bagones* — явились основным ядром будущей литовско-русской аристократии. Нам уже известно, что и поляки и Витовт учитывали значение литовской аристократии в борьбе за право на национальное самоопределение. Недаром, польское правительство при заключении новых договоров об унии брало присяжные листы от бояр.

удельные
князья.

Удельные князья как-то незаметно сходили со сцены, беднели, переходя на положение служилых князей. Разгромленные при Витовте, они отчасти сохранили за собою и владетельные права, и владения, и на общем основании с панами—землевладельцами, свои титулы, но прежнего политического веса они не имели. Первые привилеи 1387 и 1413 года еще не знают князей, как особого „стана“ литовско-русской аристократии. Они говорят только о *nobiles bojares* (знати

и боярстве), но привилей 1447 года распространяется на князей, панов и шляхту всех вообще русских и литовских областей великого княжества. Только после привилея 1447 года можно говорить об уравнивании князей и боярства на почве признания за ними шляхетских вольностей. Если же удельные князья сохраняли за собой некоторые владетельные права и в XV в. существенно отличавшие их от другой шляхты, то это гарантировалось особыми соглашениями с литовскими великими князьями. Окончательное же слияние с шляхтой можно отнести только к привилеям 1492 и 1506 г., признавшим за князьями и панами равноправное участие в управлении государством. Последующее законодательство не видит никакой разницы в правах титулованного князя и нетитулованного панства.

Так образовался высший чин шляхетского сословия. Конечно, не всем потомкам старинных бояр удалось стать в ряды среднего военнослужилого класса, а некоторые, не сумевшие представить доказательств своего благородного происхождения, опустились еще ниже. В общем — около 70 фамилий княжеских и боярских, литовских и русских, принадлежало к первому стану шляхетского сословия. На 50 боярских фамилий приходилось около 20 княжеских. Степень знатности и богатства каждого определялась количеством конных ратников, которых они выставляли в случае похода с своих вотчин, так как и старинную аристократию пришлось привлечь к несению ратной повинности, подобно тому как, ее несли с поместий. Из „пописа“ 1528 года видно, что князья Отрожские выставили 426 коней, Слуцкие—433, Вишневецкие—98 коней, князья Чарторыйские только 55 коней, а из панов—Гаштольды 466 коней, Кезгайлы трое 768, — из них один 371 коня; Сапеги—153, Радивиллы — 628 коней. Если принять во внимание, что по уставу 1528 года один конь выставлялся с 8 служб крестьянских, то указанные цифры дают достаточно полное представление о размерах вотчин аристократии.

Княжеские и панские фамилии распределялись территориально неравномерно. Княжеские фамилии целыми гнездами сидели на Волыни. Волынь оставалась областью с крупным землевладением по преимуществу: в других частях государства представители крупного землевладения растворялись в массе среднего и мелкого, а в Киевщине его и совсем не было.

Кроме княжеской и боярской (панской) аристократии, в литовско-русском государстве довольно рано формируются военно-служилый класс—будущее шляхетство, занявшее среднее место между аристократией, с одной стороны, и низшими служилыми людьми с другой. Внешнее положение княжества заставляло великих князей литовских думать об организации военной силы, без которой, конечно, борьба невозможна (ста-

в) служ
ное шля
ство.

рые княжеские дружины были слишком малочисленны и не удовлетворяли целям внешней обороны): сама служба должна носить строго принудительный характер под строгим контролем и регламентацией правительства, что впоследствии отразилось и на самом праве распоряжения земельной собственностью. Первоначальный состав военно-служилого класса отличается большой пестротой и разнообразием. Только впоследствии исчезает эта пестрота в его составе благодаря целому ряду законодательных актов. Состав нового военно-служилого класса отчасти был подготовлен предыдущим общественным развитием. Прежде всего в него вошли представители среднего землевладения, которое было распространено в большей или меньшей степени во всех землях литовско-русского государства, затем захудавшие знатные фамилии и, наконец, военные слуги крупной знати, так называемые *milites, sodales* — по терминологии немецких хроник, воины, послужильцы, отроки — по русским памятникам. Кроме того, в интересах увеличения численности военно-служилого класса, правительство брало людей, годных для военной службы, и из других общественных элементов: мещан, зажиточных крестьян, отдавая им земли под условием службы со всеми пожитками и ужитками. Конечно, тяглые элементы, верстаные в службу, освобождались от тягла. Наконец, и магнаты верстали своих подданных и свободных людей на службу. Часто мелкопоместные бояре поддавались крупному пану, превращаясь в его вассалов и отправляя военную повинность под его началом. Первое время, до окончательного формирования шляхетства, состав военно-служилого класса не отличался особенной устойчивостью: в него постоянно входили и из него выходили новые элементы. Иной переводился на службу боярскую со службы тяглой: с другим поступали как раз наоборот: словом, лица, несшие боярскую службу, крепкими нитями были связаны с крестьянской тяглой массой. С конца XV века начинается медленный процесс консолидации шляхетского сословия, совершавшийся под непосредственным влиянием польских идей и понятий.

Шляхетское сословие в литовско-русском государстве организовалось в течение XIV—XVI в. в., и в его состав вошли большие частию различные военно-служилые элементы. Как не всем старым боярам земли удалось удержаться в среде высшего „стана“ литовско-русской аристократии, так далеко не все служилые люди вошли в кадры шляхетства: кое-кому из них не удалось воспользоваться дарованными и завоеванными правами и привилегиями, смешавшись с верхним слоем крестьянства — слугами. Консолидация шляхетского сословия началась с момента опубликования Ягайлой своего

Шляхет-
ское при-
неле.

различен
адам.

первого привилея в 1387 году. Воспользоваться привилеем могли только лица, принявшие католицизм: привилей предоставлял право боярам наравне с польской шляхтой владеть недвижимым имуществом и свободно им распоряжаться, право выхода замуж вдовам, дочерям и сестрам бояр—свободно, без всякого принуждения или участия господаря. Наконец, привилей освобождал бояр — католиков от всяких натуральных повинностей, за исключением военной службы и замковой повинности: постройки новых замков и исправления старых. В 1413 году Ягайла и Витовт опубликовали второй привилей, данный всей шляхте, а не только одному боарству (*bagones*), которое, по смыслу привилея, является частью шляхетского сословия. Впрочем, первоначальный круг шляхетского сословия не мог быть особенно велик: пользование его благами связывалось с принадлежностью к католической вере и получением от поляков гербов и клейнотов вместе с принятием в польские гербовые братства. Зато, конечно, важно принципиальное значение привилея: он наносил серьезный удар литовским магнатам, уравнивая их с шляхтой в сфере гражданской правоспособности и политических прав: за магнатами фактически остались служебные прерогативы. Привилей подтверждал все статьи привилея 1387 года и устанавливал должности по польскому образцу, причем на все уряды могли назначаться только бояре, принадлежавшие к католической вере (*fidei catholicae cultores et subjecti romanae ecclesiae*). Наконец привилей вводил сеймы для совещания о благе и пользе обоих государств с правом участия панов, преатов и шляхты королевства польского и земель литовских.

Привилеи Сигизмунда в 1432 и 1434 г. г. имели в ви-^{б) привилеи Сигизмунда}ду шляхту, не только литовскую, но и русскую, распространяя на последнюю действие привилея 1413 года. Облегчался и самый способ приобретения шляхетства: привилей 1432 года предоставлял право русским брать гербы у литовцев—те самые гербы, которые они получили от поляков, а литовцам ставилось в обязанность принимать русскую знать в гербовые братства по сношении с своими польскими одnogербовниками. Привилей 1432 года не давал никаких новых прав по сравнению с Городельской хартией 1413 года: статья Городельского привилея конфессионального характера осталась неотмененной. Несколько шире по содержанию второй привилей 1434 года. Являясь в большинстве статей повторением хартии, изданной два года назад, привилей вводил в жизнь кое-что новое: государь обещал никого не карать и не наказывать по тайному или явному доносу, иначе как по суду, отправленному по обычаю земли. Затем привилей освобождает

княжеских и боярских подданных и шляхту от платежей тягла, что еще требовалось привилеем 1413 года.

Привилей
Казими-
ра IV.

Следующий привилей был опубликован 2-го мая 1447 года. Условия его появления нам известны. В истории сословных отношений он имеет огромное значение, наглядно показывая, какого влияния шляхта уже достигла. Привилей 1447 года подтверждал все прежние пожалования, распространял свое действие на все станы шляхетского сословия, как собственно Литвы, так Руси в широком смысле этого слова, с сохранением конфессиональных ограничений. Кроме того, привилей давал новые привилегии, весьма существенные для политического влияния и значения военно-служилого класса: привилей освободил шляхетских и мещанских подданных не только от платежей тягла и от барщинных повинностей на господаря, но и от платежа денежной подати — серебщины, за исключением постройки мостов, исправления замков, давания стаций с имений пожалованных самим Казимиром, и предоставлял княжатам, панам, рыцарям, шляхтичам и боярам, право свободного выезда за границу „для лучшего их счастья набытия, а любо учинков рытерских“ (ст. 4), кроме страны неприятельской. Привилей широко обеспечивал личные права статьями, подтверждавшими личную неприкосновенность и индивидуальную ответственность за преступление. Далее, Казимир обязывался не принимать на свои земли частно-владельческих крестьян: извечных, именитых, невольных, запрещая то же делать владельцам в отношении к господским крестьянам (ст. 12): отдавал в руки собственников суд над подданными: отныне подданные не могут привлекаться к великокняжескому суду, за исключением тех случаев, когда владелец не даст на них управы, но и в этом случае пени идут в пользу владельца. Наконец, великий князь обещал раздавать уряды, держания и владения только литовско-русским туземцам. Остальные шляхетские привилеи 1492 и 1506 г.г. нового шляхте ничего не дали, за исключением статьи о неповышении людей низшего звания под шляхтой. Их содержание всецело относится к аристократии, как членам господарской рады.

Привилей
1492 и 1506
года.

Привилеи определили социально-политическое положение шляхты, сделав ее господствующим сословием в государстве и естественно уменьшив прерогативы верховной власти, так как сбор „серебщины“ теперь мог производиться только с согласия самого военно-служилого класса, и это вообще было одной из причин дальнейшего роста его влияния, постепенно лишавшего магнатов того значения, которым они пользовались в стране на основании привилеев 1492 и 1506 гг.

В XVI в. шляхетские привилеи не раз подтверждались, но ^{д) привилеи XVI в.} нового они ничего не дали. Впрочем, привилей 1547 г. подтвердил вольности „панов рад обоего стану, духовного и светского, римского и греческого, княжат, панят и всего рыцарства“. Предыдущие привилеи как то умалчивали о православных, и если православная шляхта фактически пользовалась ими, то все таки это пользование было не вполне законно. После привилея 1547 года принадлежность к православию не могла быть причиной непользования шляхетскими правами со стороны русской шляхты; в 1563 году была отменена и конфессиональная статья Городельского привилея.

Общеземские шляхетские привилеи не отменяли действия тех статей уставных земских грамот, в которых говорится о местных шляхетских правах: так, Волынская грамота освобождает панских и шляхетских подданных от особой подати — воловщины. Киевская — от постановки езов для ловли рыбы: церковные, княжеские и панские подданные не должны ходить все на облаву: по Волынской и Киевской уставным грамотам предоставляется право шляхтичу отказаться от подсудности местному старосте и прямо перенести разбор своего дела на суд великого князя.

В XV веке литовско-русское право не выработало точных юридических признаков, определяющих шляхетство того или другого военно-служилого человека. Изданные привилеи ^{3) Определение шляхетства и состав его.} в этом отношении противоречили друг другу. Привилей 1387 г. требовал только принятия католицизма: по привилею 1413 года необходимо было взять польские гербы: привилей 1432 г. ограничивался дозволением брать гербы от литовцев, по соглашению последних с своими одnogербовниками, а в привилее 1447 года нет ни одного слова о том критерии, который мог служить определением шляхетства. Найти такой критерий было необходимо вследствие разнообразия в составе военно-служилого класса и неопределенности терминологии: в высшей степени было трудно провести раздельную черту между низшими разрядами служилого сословия и крестьянами—слугами, несшими военную повинность. Так, в XV веке для определения ^{а) термин.} шляхетства были почти равнозначущи три термина: боярин, шляхтич, имянин, но далеко не во всех местах государства эти термины имели тождественный смысл: например, на Волыни термин „боярин“ не был в употреблении и собственно означал слугу, несшего военную повинность, но принадлежащего к высшим разрядам крестьянского сословия; в других местах боярин и шляхтич равнозначущи. Мало по малу для определения привилегированного сословия стали употреблять термин „шляхта“, хотя он не убрал собою термина боярин, которому опять таки можно было придавать различный

смысл. Определить признаки шляхетства было необходимо, так как в литовско-русском государстве было немало так называемых слуг нанцырных, путных, конных, доспешных, щитных и просто бояр, лиц свободных от всяких повинностей, но с обязанностью несения ими самими и их потомками военной службы. Это впоследствии, на почве неясности терминологии и неточности признаков шляхетства, создавало немало судебных процессов: истцы доказывали, что они „зроду и из веков суть бояре шляхта и здавна, с предков, службу земскую военную прикладом иных землян служивали“.

б) обособление шляхетства.

Обособление шляхетства началось в конце XV в., а в первой половине XVI века административная и судебная практика точно выработала признаки, без которых невозможно решить о ком-либо, прирожденный ли он шляхтич или нет. Это было тем более необходимо, что класс бояр-слуг постоянно увеличивался вследствие необходимости увеличивать военную силу государства. Немудрено, что жизнь создавала множество недоразумений: одни незаконно пользовались шляхетскими правами: другие, наоборот, незаконно их лишались, поднимая судебный процесс для восстановления своей чести.

в) доказательства шляхетства.

Все это и заставило правительство вместе со шляхтой, в руководство для будущего, издать в 1522 году „сеймовую ухвалу“. Устав 1522 года весь построен на принципе давности: если шляхтич, доказывающий свое шляхетство, представит двух шляхтичей, которые присягнут, что он от прадеда одного с ним рода и брат им по крови, то шляхетство утверждается за ним. Устав 1522 года допускает и одного свидетеля под условием принесения присяги лицом, доказующим свое шляхетство. Впрочем, присягу можно заменить документами, указывающими на истаринность боярской службы его предков.

Но на практике шляхетство доказывалось и другими средствами, и Статут 1529 года допускает не только показание двух свидетелей, так как таковых из рода отца и матери может не оказаться, но и показание бояр-шляхты околичной. Чужеземцы могут ссылаться на официальные документы, удостоверяющие их благородное происхождение. Доказавшие свое шляхетство были переписаны в 1528 году, и впоследствии ссылка на попис 1528 года служила доказательством шляхетства, а в 1529 году по дворовому уставу Сиизмунда I бояре-слуги были обложены тяглыми службами, и тем самым резко проведена демаркационная черта между боярами шляхтой и боярами не шляхтой. Последующее законодательство действовало в том же направлении. Таким образом, ядро „прирожденных шляхтичей“ составили потомки тех лиц, которые в эпоху первых привилеев исполняли „боярскую службу“.

Роды шляхетства не оставались замкнутыми: общее количество шляхты постоянно увеличивалось благодаря пожалованиям. Обыкновенно, великий князь возводил в шляхетское звание ратных людей, разных дворцовых и канцелярских чиновников. Всем им жаловались вольность, свобода и право шляхетское, и утверждался герб, который, в конце концов, являлся лучшим показателем шляхетского происхождения того или другого лица. О получении герба стали хлопотать и те, кто его раньше не имел. Шляхетство жаловалось не только за личные заслуги: принимались во внимание заслуги братьев, родственников. Шляхетское звание, так или иначе приобретенное, могло быть по разным причинам утрачено. Последующее законодательство, в Статутах 1566 и 1578 г., определяло преступления, за которые по суду утрачивается шляхетское звание.

в) приобретение и потеря шляхетства.

Из всего сказанного видно, что состав шляхетского сословия далеко неоднороден, не смотря на однородность пожалованных прав. Статут 1529 года, кодифицировавший литовско-русское право, отметил неоднородность в составе шляхты. Статут делит шляхетский стан на два разряда: высший и низший. К первому относятся: прелаты, князата и паны хоругвные, ко второму рыцарство-шляхта. Сообразно этому в Статуте 1529 года рядом со статьями, имеющими отношение ко всему шляхетскому сословию без различия его разрядов, встречаются статьи, относящиеся специально к высшему разряду шляхетства.

г) разряды шляхетства.

Привилеи 1387—1506 г. в общих чертах наметили ту сумму политических и гражданских прав, которыми пользовалось шляхетское сословие.

4) Права шляхетства.

Статут 1529 года повторил все права, полученные шляхтой при посредстве привилеев, пополнив их некоторыми новыми и более подробно развив некоторые статьи привилеев. Сообразно делению шляхетства на два стана, и законодательство Статута о шляхетстве делится на два вида: обще-шляхетское и поразрядное. Коснемся сначала первого.

На первом плане стоит охрана личной неприкосновенности. Всякого шляхтича можно подвергнуть судебной каре и другим правоограничениям только по суду явному, основанному на основании достаточных свидетельств. (Раз. I, 1). Нельзя без вины отнять у шляхтича „разные держания“ (III. 5). Ответственность за преступления должна быть индивидуальной (I, 7). Для всех устанавливается одно право (I, 8). За шляхтой остается право ненарушимого владения недвижимым имуществом: „отчиной тож и имениями, пожалованными от господаря“, но право распоряжения происходит только в рамках, установленных законом (III, 9: I, 17); право свободного

а) общие права.

вывода замуж вдов и дочерей. Шляхетские подданные освобождаются „от платов и от подвод и от работ“, за исключением стародавних обычных обычаев: „подымованье стаций, обычных мосты старые поправляти, и тамже на тых старых мостах дельницы свои знову будовати мостов новых будования и подвод под гонды наши дованя, где зстародавна давали суть“ (I, 22). Укрепляется вотчинная юстиция (VI, 10). Шляхтичи имеют право поездки за границу „для получения учинков рыцорских“, за исключением неприятельской земли (III, 8), и уезда „с движимым имуществом от панов, которым они поддались“ (III, 15). К политическим правам шляхты можно отнести установление новых законов на вольном сейме (VI, 1), право участия выборных шляхтичей в количестве двух на суде княжеских урядников (VI, 3). Наконец, практика говорила еще о праве шляхты участвовать в избрании государя и решении разных государственных вопросов. Впрочем, порядок участия на сеймах не для всех был одинаков: паны лично являлись на сейм, а шляхта призывалась поголовно, и только при Сигизмунде I появляются первые зародыши ее постоянного представительства.

б) права литовско-русской аристократии.

Особые права литовско-русской аристократии можно представить в следующем виде. За аристократией закрепляется ее положение, созданное привилегиями 1492 и 1506 г. (III, 1): она освобождается от подсудности провинциальной администрации (VI, 1): она приывается на суд господаря за 4 недели до срока (VI, 4), жалобы на радных державцев подаются не воеводе, а господарю или панам раде (VI, 1), наконец, князья, и паны имеют право выступать на войне под собственной хоругвью (II, 2), выставляя отряды вооруженных бояр и слуг.

в) права рыцарства.

Низший разряд шляхты имел свои особые права, закрепленные Статутом: шляхтича можно привлекать к суду только судебными повестками: десятского для привода на суд можно посылать только после двукратной повестки (IV, 4): шляхтичи неподсудны державцам, которые недавно были тивунами (VI, 33): на суд провинциальный — воеводы, старосты, маршалков земского и дворного, державцев — поступает апелляция к господарю и панам раде, если административные должности были заняты лицами из среды панов рады (VI, 1): если державца был не из панов, то апелляция поступает к воеводе (VI, 1): шляхтич, поддавшийся под какого-нибудь пана, имеет право в любой момент уйти от него, вместе с движимым имуществом (III, 15), но пока он находился под паном, он подлежал юрисдикции последнего. Наконец, за шляхетством оставалось право во время судебного процесса оправдываться от возводимого обвинения посредством присяги, принимающей

в таком случае характер неопровержимого доказательства (I, 4: II, 2, VII; 21—22), а также право на усиленное вознаграждение за посягательство на жизнь и здоровье.

Помимо указанных выше правовых отличий, жизнь создавала весьма крупное различие в сфере землевладения. Практика жизни различала три вида землевладения: к первому относятся имения, над которыми нет верховного собственника, с государем собственники связаны только отбыванием военной повинности: ко второму и третьему относятся имения, над которыми верховным собственником был государь или крупный пан, которые могли свое владение в любой момент передать в руки другого лица, а шляхта, не желавшая быть под его рукой, должна была уйти с земли. Впрочем, впоследствии шляхте удалось закрепить за собою отчинные имения, приравняв их к первому виду землевладения, в том отношении, что такие земли не могли быть никому отданы.

г) шляхетское землевладение.

5) повинности шляхетства.

Главной государственной повинностью всей шляхты, не исключая и духовенства, была военная служба, соединенная с правом землевладения. Все землевладельцы, какого бы рода собственность они ни имели, должны были являться на войну „подле ухвалы“ земской. А земский Устав в 1528 году постановил, что один конь, то-есть всадник, выставляется с 8 крестьянских служб. Все должны становиться под своею поветовой хоругвю, за исключением „панов хоругвных“, выходявших под своею хоругвю (II, 2). От службы освобождала болезнь при условии выставления на свое место сына или слуги (II, 5): неявка на войну влечет за собою потерю имения (II, 7), как и самовольный отъезд домой (II, 11). Духовенство должно было отбывать лично службу „с закупного имения“; в других видах землевладения оно освобождалось от личной военной службы (II, 3).

2) Мещане.

По мере выделения шляхетского сословия происходило выделение в особенную общественную группу и мещанского сословия.—Это процесс давнишний. Уже ко времени татарского ига в русских областях начала порываться связь между городом и волостью благодаря развитию частного землевладения и развитию частной торговой деятельности в некоторых из русских городов. Появление городов в Литве — факт довольно поздний: по существу, это были первоначально крепости, охранять которые и поддерживать составляло обязанность всего населения. Но и тут подрывалась связь с округой благодаря образованию многочисленного военно-служилого класса, на обязанности которого лежала военная защита стра-

ны. Собственно городские жители, не имевшие земли за чертой города, не несли военной повинности, и вся защита города ограничивалась починкой городской стены и содержанием стражи. В городах жители стали заниматься ремеслами и торговлей, и это еще более отделило их от земледельческого и земледельческого населения. Конечно, не во всех городах были для этого подходящие условия, но относительно некоторых это можно сказать с уверенностью: в Литве, Белоруссии, в земле Полоцкой, Витебской, Смоленской и Северской, наконец на юге—в западном Подолье и Волыни были города, где промысел и торговля в большей или меньшей степени были развиты, что зависело преимущественно от близости или отдаленности заграничных рынков.

Магдебургское (немецкое) право.

Литовское правительство прекрасно учитывало значение торговли и промышленности для государственного хозяйства и принимало ряд мер в их интересах. Одной из таких мер являлось пожалование городскому населению магдебургского права, прививавшегося не без польского влияния. Правительство в интересах развития торговли и промышленности даровало городам так называемое магдебургское право, выработавшееся на западе самоуправление, с целью пробуждения самостоятельности города. Магдебургское право прививалось довольно быстро, так как в быту городов были некоторые данные для его восприятия, что, несомненно, содействовало, их процветанию. Получение городом самоуправления было все равно неизбежно, а немецкое право давало внешнюю форму его, нисколько не убивая местного права и местных обычаев. Дальнейшее падение городов надо ставить в связь с падением заграничной транзитной торговли и с изменением торговых путей в связи с развитием денежного хозяйства в Европе, а также с нарушением равновесия в сословных отношениях благодаря исключительным торговым привилегиям шляхты. Немецкое право по Руси распространялось постепенно: началось его распространение с собственно Литвы, идя от нее по радиусам к окраинам. В 1387 году получает немецкое право Вильно, в 1390—Берестье и Подляшье, в 1391 году Гродно и Ковно, через который шла торговля воском за гравицу. При Витовте магдебургское право получает ряд городов по Бугу: Берестье в 1408, Дорогичин в 1429 году, Бельск в 1430 году. При Свидригайле в 1432 году Луцк, Кременев в 1438 году. Затем идут Полоцк в 1498 году, Минск в 1499 году. Особенно сильно распространялось магдебургское право в XVI в., когда Литва переживала исключительный торгово-промышленный подъем, и когда уже обрисовались наиболее важные торговые центры. Сущность магдебургского права заключалась в освобождении городского населения от юрисдикции местной

администрации и предоставлении городу сословного самоуправления на корпоративных началах. В городах устанавливался свой суд, им предоставляется право заботиться о городском благоустройстве, развитии торговли и промышленности. Конечно, формы самоуправления в разных городах отличались друг от друга. Обыкновенно при первоначальном даровании магдебургского права, во главе города стоит войт, назначаемый государем: в руках войта сосредоточивалось управление и суд над горожанами по уголовным делам. Обычно войт судил не один, а совместно с лавниками-пожизненными присяжными из мещан. Текущее управление находилось в руках совета-рады; ее члены-райцы назначались войтом из кандидатов общины. Совместно с радой войт выбирал бурмистров, двух и больше, бывших председателями городского совета. В конце года рада отдавала отчет в своей деятельности перед всем поспульством. На раду можно было жаловаться войту, последний находился под юрисдикцией самого великого князя.

Впоследствии городам удалось выкупить должность войта. Тогда выдвигается на первый план городской совет, ведавший полицию, гражданский суд и городские имущества, надзиравший за торговлей, правильностью мер и весов и отчасти смотревший и за нравственностью граждан. Рада издавала обязательные постановления, и все поспульство обязано было их исполнять. Когда должность войта была выкуплена, то рада составлялась по другому. Городская община была совершенно устранена от участия в ее пополнении: рада сама выбирала членов на место выбывших. Тогда же и выбор лавников перешел в раду. При таком положении дела поспульство, в широком смысле этого слова, было лишено участия в управлении, которое сосредоточилась в руках купеческой аристократии, захватившей раду. В городах началась брожение и кое—где городскому поспульству, ремесленникам, разбившимся на цехи, удалось добиться организации особого городского совета их 40 членов, захватившего в свои руки законодательную власть.

Такова сущность магдебургского права в теории. На практике часто бывало по другому: в городах не было отдельной рады и лавничьего суда. Часто то и другое составляло одно собрание. Количество райцев и бурмистров в городах было разное. В городах с населением православным и католическим положение дел ухудшалось от нетерпимости католицизма. Вмешательство королевских урядников, которые часто „делали кривды великие“, также не могло благоприятствовать правильному развитию городского самоуправления. Города, получившие немецкое право, освобождались от разных натуральных повинностей, взамен чего платили в казну денеж-

ные подати с разных торгов и промыслов. По примеру господаря, немецкое право раздавалось и крупными землевладельцами, которые вмешивались постоянно в городскую жизнь и обыкновенно сводили на нет дарованное право.

Обособле-
ние горо-
дов.

Магдебургское право, конечно, резко обособило городское население от других разрядов населения. Правда, мещане пока не лишились права землевладения и несли с земель военную службу, но и последнее фактически только терпелось уже в эпохе первого Статута. Не удалось городам завоевать и представительства на вальных сеймах, на которых законодательствовала шляхта, издавая законы узко-сословного характера и подрывая тем самым город, как торгово-промышленную единицу.

3) Сельское население.

Холопы.

Институт рабства был знаком Руси в киевский период истории: литовско-русское право его хорошо знает под именем „паробков“, холопов. Его хозяйственное значение было двояко: часть челяди употреблялась в качестве дворовых слуг, получая содержание от собственника; другая часть жила за двором, на небольших земельных участках, „приробках“, и имела свою собственную движимость—бонду. Юридически между этими двумя разрядами нет никакой разницы: вся невольная челядь лишена какой бы то ни было гражданской правоспособности. Невольниками становились: дети рабов, пленники, неволю влек брак свободной стороны с несвободной: кроме того, смертную казнь можно было заменить рабством, неоплаченный долг также вел к невольничеству. Статут 1578 года уже не знает невольничества, приравняв невольников к отчичам. Трудно определить количество невольников вообще в частных имениях, но в господарских имениях в половине XVI века общее число их незначительно, благодаря изменившимся условиям хозяйства и усиленной эксплуатации собственно крестьянского населения. Невольников могли иметь только одни христиане, хотя первоначально их имели и служебные татары.

Крестьяне.

Положение крестьянства в литовско-русском государстве изменялось по мере роста шляхетского сословия. Раскрепощение последнего вело к постепенному закрепощению первого, и ко времени опубликования первого Статута можно считать институт крепостного права достаточно сложившимся с резко выраженным личным характером. Такова в общих чертах судьба крестьянства, жившего на частно—владельческих землях. Подобный же процесс совершался и в жизни государственных крестьян с тою только разницей, что здесь закрепощение совершилось значительно позже, начиная со

второй половины XVI века в связи с аграрной реформой Сигизмунда—Августа. Следует, впрочем, заметить, что хорошо знакомого северо-восточной Руси термина „крестьянин“ литовско-русское право совсем не знает, употребляя выражения: мужики, подданные. Литовско-русское крестьянство вообще не было однородной массой по своему составу. В зависимости от повинностей, которые они несли, сидя на земле частно—владельческой и господарской, крестьяне делились на несколько разрядов: 1) людей тяглых, 2) данников и людей специальных служб 3) слуг—путников и панцырных бояр. Характер повинностей того или другого разряда определялся в зависимости от характера господарского или частно-владельческого хозяйства.

Тяглыми, дякольными людьми, назывались крестьяне, обязанные исполнять всякого рода хозяйственные работы и платить оброк. Эти тяглые люди составляют главную массу крестьянского населения, как основная рабочая сила господарских и частных имений. Тяглые сидели на сособых участках, с которых и несли свою службу. Такой участок назывался в разных местностях по-разному. Часто на участке жило несколько семей. С начала XVI века увеличивается издельная повинность крестьян, благодаря развитию в некоторых местностях сельского хозяйства. Натуральные повинности, в XVI в. иногда перекладываемые на деньги, назывались „дякло и мезлева“, — подати со всего того, что уродилось в крестьянском хозяйстве. Кроме того, тяглые люди давали подводы, когда это требовалось для нужд пана или господаря.

а) тяглые люди.

К тяглым людям по своему юридическому состоянию б) данники тесно примыкали крестьяне, несшие разные специальные службы по хозяйству и промышленности, данники: впрочем, громадное число последних сидело на господарских землях в Подвинских и Поднепровских волостях, где для развития промыслового хозяйства были наиболее подходящие условия. К этой группе можно отнести: сокольников, бобровников, бортников, осочников, псарцов, ловцов, свинухов, косяхов, кобыльников, дойлиц, плотников, рудников, рыболовов, дегтярей, млынарей. К данникам относятся также лица, платившие государю дани из доходов, получаемых от эксплуатации местных угодий. Такие данники платили дань медовую, бобровую, куничную.

в) слуги путные.

Высшим слоем крестьянского населения являлись слуги путные, щитные, досечные, конные. Они несли военную службу, исполняли всякого рода поручения, связанные с разъездами: но, кроме того, отбывали тягло, правда, в незначительном размере, что и приближало слуг в юридическом отношении к тяглым людям.

Положение крестьян на частных владениях. Развитие в Литве частного землевладения — факт довольно ранний, вместе с ним постепенно исчезали землевладельцы—крестьяне, а внешние и внутренние обстоятельства, конечно, благоприятствовали этому процессу обезземеления. Крестьянам приходилось садиться на землях частных владельцев, на известных условиях, причем последние отнюдь не ограничивали их юридической свободы. Крестьянин был вольным, похожим человеком и мог уйти, когда хотел. На деле этого не было: крестьяне подолгу сидели на одном месте, обзаводились хозяйством и старались увеличить его доходность, передавали его по наследству, меняли. Собственники не обращали на эти сделки никакого внимания, то-есть фактически одобряли их, заинтересованные только в правильном отбывании повинностей и платеже дани.

Но мало по малу вся эта крестьянская масса закрепощается, появляется особый род непохожих людей, потерявших право выхода. Для крестьян частных владений крепостная неволя стала фактом уже в половине XV века. В настоящее время трудно сказать с достоверностью, как создавалось „непохожее“ крестьянство, но несомненно, что на его генезис влияли и юридическая природа тогдашнего землевладения и экономическая зависимость крестьянина от помещика и наоборот. Потерявшие право выхода крестьяне стали называться отчинами, как по долгу жившие на одном участке, непохожими, „извечными“, и, согласно привилею 1447 года, таких людей нельзя было принимать на господарские земли. Так возникло прикрепление крестьян к тяглу, к службе, а шляхетские привилеи придали возникшему крепостному праву характер личной зависимости, освободив частновладельческое крестьянство от платежа даякла и других государственных повинностей, а также от господарского суда, с передачей под присуд своего пана. Литовский Статут 1529 года, поскольку он касается крепостного права, также указывает на личный характер прикрепления отчинных людей. Статут допускает возможность покупки крестьян без земли (разд. 1, 8, 15; VIII, 21), передачи их по наследству (V, 14). Так постепенно крестьянин становится подданным своего пана. Последующее законодательство не отменило класса вольных людей, но в течение XVI в. он почти исчез фактически, и крестьянство превратилось в тяглецов, имущество которых составляло собственность помещика.

Положение крестьян, живших на землях государственных, было несколько иное. Нельзя забыть, что в лице литовского великого князя они имели не только обыкновенного пана, но также и государя, подданными которого они всегда были. Это последнее обстоятельство и мешало литовскому

великому князю превратиться в обыкновенного пана. И на господарских землях был особый разряд крестьян, называемых „отчицами“, но положение этих отчиц было другое, чем частновладельческих. Отчицы не были прикреплены к лицу своего государя: они могли уйти, посадив на свое место другого человека и переложив на него все лежавшие на себе службы. Но даже и такое обязательное прикрепление было далеко не повсеместным. Нет никаких следов раннего прикрепления в Поднепрских и Подвинских волостях. Впрочем, разница в юридическом положении тех и других зависела от системы использования их труда со стороны правительства. В собственно Литве и Черной Руси правительство имело дело с отдельными, разной величины, службами крестьян, и оно следило за точным их выполнением. В Поднепровье и Подвинье еще существовала в первой половине XVI века волость. Правительство накладывало повинности на волость общою суммою, а раскладка ее между членами волости происходила на волостном вече. Вече выбирало особых панов—старцев: они исполняли постановления вече, собирали следующие дани и отдавали администрации. Они же отстаивали самостоятельность волости от въездов в нее администрации и нарушения „звыкных обычаев“. В западной половине княжества обще — волостная организация довольно рано сошла со сцены: с переходом к земледелию сохранить ее, конечно, было невозможно. Этим объясняется устройство крестьянских служб, которое давало возможность более точного определения скарбовых доходов. Что касается восточной половины, то здесь и в половине XVI века промысловое хозяйство являлось доминирующим, и земледелие почти не имело места. Восточная половина княжества как раз и пополняла королевский скрб теми „данями“, которых не могло дать дворцовое хозяйство на западной половине. Этим объясняется, почему правительство сохраняло волостную организацию и удовлетворяло ее жалобы на администрацию. Но в половине XVI века заметно разложение волостной организации. Волость пустеет. Жители разбежались, а оставшимся не под силу платить повинности полностью. Поэтому правительство перестало выпускать „отчиц“ и требовало их обратно, запретив державцам принимать их в другие волости. В общем, и здесь намечалась тенденция иметь дело не только с волостью, а и с крестьянской службой.

Во второй половине XVI века правительство наметило и осуществило грандиозную аграрную реформу, совершенно изменившую юридическое и экономическое положение господарского крестьянина. Аграрная реформа совершенно разрушила старые формы крестьянского уклада. Необходимость аграр-

Волочная
реформа.

ной реформы уже давно чувствовалось, а во второй половине века она стала прямо таки настоятельной. Надо было поднять доходность дворцового хозяйства в целях увеличения ресурсов господарского скарба, который переживал хронический кризис, благодаря обострившимся внешним отношениям. Да и независимо от Литвы его состояние было неблестяще: революция цен в Европе вызвала такое же понижение ценности серебра и в Литве, что было особенно ощутительно именно здесь благодаря слабому экономическому развитию Литвы. К тому же перемена направления торговых путей, повлекшая упадок прибалтийских стран, сократила до минимума транзитную торговлю и вызвала уменьшение мытных пошлин. Правительство и в начале XVI века вывозило в Европу разного рода сельско-хозяйственные продукты. Теперь на них был особенный спрос. Удовлетворить потребности рынка только и было возможно путем интенсификации сельского хозяйства, а ее то имела в виду аграрная реформа Сигизмунда 11 Августа. Сущность реформы заключалась в более точном определении размеров крестьянских участков, равномерном их распределении между крестьянами, при условии фиксации платежей и повинности. До сих пор крестьянские участки были неравномерны, и не было никакой определенной системы в определении платежей, да и собственно господарская пашня была относительно небольших размеров. Перемерив всю землю и разделив ее на однообразные участки — волоки (около $19\frac{1}{2}$ десятин), правительство роздало крестьянам однообразные участки и ввело однообразные повинности, с выделением части земли и угодий под собственно господарскую пашню, продукты с которой предназначались для иностранного вывоза. Такая волочная помера была введена в некоторых имениях еще Сигизмундом I; его сын в 1557 году задумал ввести ее во всех областях, за исключением Подвинья и Поднепровья: там она была введена в конце XVI и начале XVII в. С переходом к волочной мере вводилось принудительным путем трехполье. Волочная устава убила последние остатки волостной организации и поставила крестьянина в непосредственные отношения к державцами и старостам. Обыкновенно крестьяне получали по одной волоке, высшие разряды — по две. Если остались волоки неразобранными, то они раздавались крестьянам под условием платежа чинша. Введение новой устава сопровождалось бегством крестьян, не желавших примириться с новыми аграрными отношениями. Производя померу земли, иногда мерники „припускали“ и соседние земли на шляхетском праве, отчего создавалось множество исков. Иногда в интересах хозяйства допускалась мена именными между паном и господарем. По-

винности крестьян были точно определены и большею частью переложены на чинш. Конечно, новые хозяйственные отношения могли поднять доходность крестьянского хозяйства, но бдительный контроль администрации в лице войта парализовал крестьянскую инициативу и приводил часто к обратным результатам.

Волочная помера не прикрепила крестьянина к земле: и теперь он мог уйти, посадив на свое место другое лицо, но фактически это было невозможно, так что количество „вольных“ все более и более сокращалось. Крестьянину приходилось оставаться на своем участке, всецело предоставленному опеке мелкой администрации. Последняя же блюла не только интересы фиска, но и свои собственные. Благодаря этому экономическое положение крестьянства только ухудшалось, а свобода ухода сменялась крепостной неволей.

Х. Политический строй.

1) Великий князь, органы центрального и местного управления.

В половине XV века в литовско-русском государстве исчезли последние остатки удельной системы. Великий князь очутился во главе единого, но сложного по форме государства, князем—отчичем всех земель княжества. По существу, великий князь—неограниченный монарх, его действия не связаны никакими правоограничениями, и таким он оставался до конца XV в., когда ему пришлось разделить власть с панами—радой. Но по отношению к землям—аннексам суверенитет великого князя сталкивался с правами земель, неоднократно подтверждаемыми господарями, хотя в пределах „права земли“ его власть оставалась неограниченной. Только в Литве, по примыкавшим к ней землям, да в разбросанных по территории господарских волостях суверенность его власти была полная. Здесь не происходило столкновения права земли с волей великого князя. По отношению к последнего рода землям великий князь являлся настоящим князем—вотчинником, чего сказать нельзя относительно земель—аннексов.

Влао
велик
кня
литовс

Обычный круг деятельности литовских господарей трудно очертить с известною определенностью, но, во всяком случае, он был необыкновенно разносторонен и широк. В руках господаря сосредоточиваются все нити управления, как в области внешней так и внутренней политики. Он принимает меры по обороне страны, издает законодательные акты и назначает должностных лиц, непосредственно разбирает юридические казусы. Положение его в стране двойственное: он не

Круг
деяте

только „господарь“, но и богатейший вотчинник: доходы с господарских вотчин составляли едва ли не главную доходную статью великокняжеского скарба. Великому князю приходится быть не только государем в полном смысле этого слова, но и сосредоточить в своих руках Верховный надзор по управлению господарскими имениями.

Выступая в качестве верховного распорядителя — государя, великий князь был завален массой всяких дел. Великий князь утверждал собственной властью всякого рода сделки с недвижимыми имуществами, разбирал поземельные тяжбы, дела о грабеже, насилии, безчестии. Великий князь держался того взгляда, „что винен его милость каждому из подданных своих, а зылаща тым, которые с жалобами своими не з его милость приходят, справедливость делати з вирхности своее господарское“.

Централь-
ное управ-
ление.

Двойственное положение великого князя отразилось на составе органов центрального управления. Появление одних приходится поставить в связь с необходимостью вести дворцовое хозяйство, появление других связано с заботами об интересах государства, так как падение уделов поставило перед литовским господарем ряд задач и целей в области внешней и внутренней политики, осуществление которых было невозможно без посредства соответствующих должностных лиц. Это и вызвало появление органов центрального управления, земских по своему характеру.

дворцо-
е поряд-
ки.

Общее количество дворцовых урядников было значительно, что отчасти вызывалось усилием придать великокняжескому двору больше пышности. К числу дворцовых урядников можно отнести маршалка земского и дворного, на обязанности которых лежало устройство придворных церемоний, прием гостей, приехавших к господарю, отведение квартир „станам“, съехавшимся на сейм, опубликование различных обязательных постановлений в местах пребывания господарской квартиры, начальство над господарскими дворянами, служившими при дворе и исполнявшими различные правительственные поручения административного и судебного характера. Обязанности маршалка при великой княгине выполнял „охмистр“. Такое же придворное значение имел „подчаший“, ведавший напитками, подаваемые к господарскому столу: чашник, наливавший напитки господарю: крайчий — разрезавший кушанья, подаваемые к столу великого князя: стольники и подстолий, заведывавшие сервировкой великокняжеского стола: кухмистр — заведывал придворными конюшнями, ловчий — охотой, подкоморий — порядком и убранством внутренних покоев: ложеничий — господарской опочивальней, мечник — державший меч перед великим князем во время различных торжественных

церемоний. К числу таких же придворных урядников можно причислить и подскарбия дворного, специально ведавшего господарское имущество — доходы, поступавшие на содержание великокняжеского двора: эти доходы составлялись из „личных“ имений господара и поступлений из общего земского скарба.

Под началом всех этих придворных чинов находилось множество писших служителей, получавших за свой труд вознаграждение дачею земли, денег, сукон, шуб, хлеба.

К органам кемской центральной администрации относится—подскарбий земский, заведывавший всеми поступлениями в господарский скарб и проверявший отчетность местных агентов по сбору государственных налогов, выдававший из „скарба“ деньги или вещи по приказанию господара и составлявший кассовую отчетность. Кроме того, подскарбий земский хранил в „скарбе“ подлинники договоров с иностранными державами и другие подлинные акты, литовскую метрику, разные государственные регалии: скипетр, меч, хоругвь, а также огнестрельное оружие и боевые припасы. Общее управление финансовым хозяйством находилось в руках господара и его рады: подскарбий земский являлся пока только исполнителем чужой воли и не имел никакого самостоятельного значения. Иногда обязанности подскарбия земского возлагались на подскарбия дворного, — преимущественно в отсутствии первого. Большое значение среди центральных органов имел канцлер, обыкновенно в то же время занимавший должность Виленского воеводы. Он являлся управителем государственной канцелярии, состоявшей при великом князе и панах—раде. Государственная канцелярия облакала в письменную форму все законодательные, судебные и административные распоряжения господара и радных панов. В государственной канцелярии изготовлялись и разного рода дипломатические документы: грамоты к соседним государствам, инструкции послам. Тут же составлялся государственный архив -- литовская метрика, Канцлер великого княжества являлся также хранителем государственной печати, скреплявшей документы, выходявшие из государственной канцелярии. Выдача всякого рода документов могла производиться только с воли господара, выраженной тем или другим путем. Под началом канцлера был целый штат секретарей, писарей, дьяков.

б) земск
уряд

В руках гетмана наивысшего сосредоточивалось командование армией во время войны. Великий князь во время войны передавал ему функции главнокомандующего. Власть гетмана, как главного военачальника, была обширна: все находившееся в армии, без различия звания, должны были его слушаться, как самого государя. В его руках был суд над

виновными в нарушении военной дисциплины, а также над всеми, состоявшими под его командой, по жалобам друг на друга и по жалобам на них со стороны местных обывателей. Заботы же о снаряжении армии, ее комплектовании, снабжении жизненными припасами—это оставалось в руках господаря и панов—рады.

Характер
земских
урядов и
изменение
половине
XVI в.

Отличительной чертой вышеупомянутых земских урядов княжества являлось то, что ни один из них в период самостоятельного существования княжества не выделился в самостоятельное ведомство, с более или менее определенным кругом действий. Собственно, все эти „урядники“ были только исполнителями решений великого князя и панов—рады, и ни в чем не могли проявить своей самостоятельности. Всякое проявление деятельности с их стороны требовало соответствующего приказа от великого князя и панов—рады. Но в 60 годах XVI века уже замечаются существенные изменения в положении некоторых урядов. Так, подскарбий земский—не только казначей,—он уже может действовать по собственной инициативе: отдача в наем господарских имений, выдача денег на расходы, награждение и смена сборщиков налогов,—все это было предоставлено собственной инициативе подскарбия: наконец, в 1568 году заведывание монетным делом также перешло к нему. Изменилось и положение гетмана наивысшего. Он—не только фельдмаршал, но и военный министр: комплектование армии находится в его руках, как и снабжение ее жизненными припасами. Гетман может в интересах государственной обороны по собственному усмотрению распоряжаться бюджетом армии. Все это определилось только почти накануне Люблинской унии.

Великий князь и господарская рада упустила из своих рук кормило правления, отдав его в руки шляхетского народа, выступавшего на сеймах в роли законодателя. Применение в жизни сеймовых постановлений требовало самостоятельности от должностных лиц. Это и было основной причиной перемены в положении подскарбия земского и гетмана наивысшего, превратившихся из агентов великого князя и панов—рады в исполнителей сеймовых постановлений.

Областное
правление.

От характеристики великокняжеской власти и органов центрального управления—естественный переход к областному управлению. Последнее находится в теснейшей связи с областным делением. Для обозначения последнего употреблялись различные термины, как-то: волость, держава, повет. Этими названиями обозначались и крупные территориальные единицы, развивавшиеся по старым удельным княжениям или землям, и малые территориальные единицы. Впрочем, с тече-

нием времени слово „волость“ исчезло из официального языка, и для обозначения правительственных округов стали употребляться только два термина: держава и повет. С начала XV века намечается новое территориальное деление: собственно Литва с Русью литовской, Полесьем и Подляшьем, делится на два воеводства: Виленское и Троцкое, и слово „воеводство“ стало обозначать наиболее крупное территориальное деление. С начала XVI века воеводствами стали называться и земли—виньксы: Киевская, Полоцкая, Витебская и Смоленская: Жмудская и Волынская земля носили название староств. Благодаря появлению нового более крупного областного деления, державами и поветами стали называться подразделения воеводств, причем размеры этих округов попрежнему отличались поразительной неравномерностью. С исчезновением удельной системы, в областях сидели наместники, впоследствии воеводы и старосты, представители великокняжеской власти. Воеводы и старосты получали свои должности от великого князя. Должности обыкновенно были пожизненны, если только великий князь не жаловал их какой-нибудь новой, более высокой должностью. В некоторых землях—воеводствах великому князю приходилось считаться с желанием населения, как в назначении так и в смене воевод и старост. Положение воевод и старост двоякое. С одной стороны, они—представители территориального единства земли—воеводства, в руках которых сосредоточивалась высшая судебная административная власть. Кроме того, воеводы и старосты были начальниками над военными силами области. В этом отношении к ним перешли функции прежних удельных князей. С другой стороны, в их ведении находились некоторые волости—державы, прилегавшие к главным городам областей. По отношению к этим державам — воеводы и старосты были обыкновенные наместники—державцы. Воеводы и старосты заведуют хозяйством в господарских имениях, как обыкновенно приказчики, являются сборщиками податей и пошлин и вообще финансовыми агентами господаря: они были комендантами местных крепостей и принимали меры по обороне территории, будучи также командирами части областного ополчения, которое они сами снаряжали под своей личной ответственностью. Кроме того, воеводы заботились, чтобы в их державе земля не лежала без службы, и поэтому раздавали пустощины в земскую службу, но воеводское пожалование нуждалось еще в особом господарском разрешении. Иногда в своих державах воеводы имели и судебную власть над всеми жителями державы, за исключением только тех лиц, кто пользовался иммунитетом: дела о шляхетстве были изъяты из ведомства воевод, старост и державцев.

По некоторым гражданским и уголовным делам в Киевской и Волынской земле воеводы, старосты и державцы не могли приводить в исполнение приговора до указа государя. Впрочем, подсудность населения воеводам, старостам и державцам была факультативна. Стороны всегда могли, минуя местные уряды, обратиться к суду господаря. Статут 1529 года требует, чтобы стороны обращались к государю до начала судебного разбирательства.

Воеводы и старосты обыкновенно управляли волостями с помощью назначенных ими слуг, которые выполняли различные их служебные поручения. Впрочем, волостями, где не было развито господарское хозяйство, воеводы и старосты управляли из центрального города и судили в центральном городе.

Рассмотрим теперь подробнее правительственную деятельность воевод и старост, как заместителей удельных князей. В качестве таковых и представителей единства земли — воеводы и старосты имели военную власть. Они являются начальниками ополчения всей области. В состав его входили ополчения из поветов, находившихся под управлением наместников-державцев, и ополчения князей и панов, выступавших под собственной хоругвью.

Как начальник всего ополчения, воевода и староста собирали „пописы“ с обозначением числа военных слуг: по ним они проверяли явившихся на военную службу, а подскарбий земский — сбор с их имений серебщины. Воеводы и старосты принимали также участие в устройстве военно-служилого класса и за пределами своих держав. Они сами раздавали „пустовщины“ и подыскивали таковые по поручению государя в пределах своей области — воеводства.

Судебная власть воевод и старост распространялась на всю область — воеводство. Здесь они были главными и высшими судьями. Часто население, недовольное судом державцы, подавало жалобы воеводам и старостам. Иногда самые дела вчинялись перед ними, минуя низшую администрацию; наконец, в некоторых державах наместники — державцы и тивуны не могли судить шляхту, которая была подсудна одному воеводе. Подсудны им были и некоторые из князей и панов, имения которых не входили в состав поветов. Воеводы и старосты судили низшую провинциальную администрацию по жалобам на нее со стороны, что признано и Статутом 1529 года (VI, 1). Сами они были подсудны великокняжескому суду. Но некоторые из князей и панов, в силу господарского жалования, были изъяты из под юрисдикции воевод и старост. Воевода обыкновенно судил не один, а в присутствии различных должностных лиц и местного населения, являвшегося храни-

Военная
власть
воевод и
старост.

Судебная
власть.

телем местного права. Воеводам и старостам часто приходилось откладывать дела на том основании, „что на тот час никого при нас и нов и бояр земли . . . не было“.

Наконец, для полноты характеристики ведомства воеводы следует отметить, что общий надзор за хозяйственной и административной деятельностью провинциальной администрации также находился в руках воевод и старост. В XV в. провинциальный администратор обыкновенно назывался наместником — державцем и тивуном. Назначался он обыкновенно из числа представителей местной аристократии. Державы раздавались „до воли господарской“ или „до живота“, но расточительное ведение хозяйства в державе могло повлечь за собою лишение должности. Ведомство наместников—державцев, как нам уже известно, было очень обширно. Наместники—державцы, как и воеводы со старостами, жалования не получали, а кормились за счет своих держаний. Это кормление могло быть двойное: где не было господарской пашни, там наместники — державцы получали корм натурой. Это преимущественно относится к Поднепрским и Подвицким волостям. При существовании господарского хозяйства — в пользу наместника—державца поступала треть урожая озимым и яровым хлебом, овощи с огорода, часть улова рыбы. Иногда наместникам—державцам представлялась эксплуатация господарских угодий в свою пользу. Кроме того, они получали не мало разных судебных пошлин: „пересуд“ — $\frac{1}{10}$ с суммы иска, „повинное“ — $\frac{1}{10}$ с штрафом в пользу государя, „заклады“ — которые тяжущиеся устанавливали по обоюдному соглашению в пользу наместника—державца, по колотное и так далее. Иногда, по специальному пожалованию государя, поступали особые доходы. Бывали случаи, когда великий князь, закладывая имение, отдавал доходы с него вместо процента впредь до выплаты закладных денег.

Такая система содержания должностных лиц приводила к расхищению господарских имений и вызывала недовольство населения, которое неоднократно жаловалось господарю на администрацию, вводившую разные повинности: „с их людей брали свадебные кунницы, на имения их слуг своих насылали и без каждого права грабили их самих и людей их и мыта новые, где здавна не бывали, вновь установили“. Такие жалобы повторялись постоянно. Правительство было не в силах бороться с злоупотреблениями. В интересах борьбы оно стало раздавать держания в пожизненное владение, в надежде, что крепость владения заставит урядника относиться с большим вниманием к господарскому хозяйству. Наконец, где были „раскрошители и шkodники“ господарского хозяйства, там, где население разбегалось благодаря „кривдам“ администра-

Надзор над державцами
а) державцы.

б) злоупотребление державцев.

ции, державия отбирались на государя, так как внушения не производили никакого впечатления.

в) контроль.

Отчет в ведении господарского хозяйства наместники—державцы давали особым писарям, объезжавшим господарские имения два раза в год. Кроме того, и воевода мог вмешиваться в хозяйственно — административную деятельность державцев.

Деятельностью администрации было недовольно не только население, жившее в господарских имениях. Администрация вторглась в частновладельческие имения, ловила зверя и рыбу в лесах и водах, причиняя огромные убытки населению. Вполне понятно, почему на „великих вальных сеймах“ шляхта громит деятельность областной администрации.

2) Господарская рада.

Составные
элементы
рады.

На всем протяжении истории литовско-русского государства бросается в глаза видная политическая роль особого совета при государе—рады. Конечно, и ее состав и компетенция за этот период времени не оставались одинаковыми. И то и другое изменилось в зависимости от перемен, происходивших в социально—политическом быту государства. Совет при государе — учреждение старое. Такой совет около себя имел любой из удельных князей. Ни состав такого совета, ни его компетенция не были определенными. Удельный князь теоретически советывался, с кем и о чем хотел, но на практике уже сформировался определенный круг лиц, из числа которых приглашались советники. Таким кругом и были бояре земли, местные крупные землевладельцы. И великие князья чувствовали нужду в поддержке и помощи со стороны окружающих лиц. Они тоже неоднократно советывались со своими боярами, принимая вместе с ними то или другое решение. Но эти совещания были большею частью морального характера, и такие советы нельзя считать уже отлившимися и сформировавшимся учреждениям. Кроме советов с боярами, великие князья решали разные дела совместно с удельными князьями. От имени великого князя и удельных князей заключали мир, писались различные договоры. Окончательное решение заключить унию с Польшей было принято на совещании Ягайлы и удельных князей. Развитие удельной системы временно лишило литовских бояр того значения, которое они могли иметь, как бояре земли и советники князя. С Витовта положение дел изменилось. Враг удельных князей и сторонник самостоятельности Литвы должен был найти опору своим селениям в ином общественном слое, и таковым явились литовские бояре — представители крупного землевла-

дения. Витовт постоянно с ними советывался. Все крупные политические акты были им предприняты после совета с боярами. Недаром поляки при повторении уни требовали подписи литовских бояр. Конечно, совещание с боярами не исключало возможности приглашения и удельного князя, признавшего авторитет Витовта, но такие совещания были чрезвычайными. Обыкновенный же совет состоял из первостепенных литовских панов, общее число которых значительно увеличилось в зависимости от известного уже политического объединения, которым сопровождалось возведение Витовта на великое княжение. Число советников Витовта было постоянно колеблющимся. Иногда в раде присутствовало два—три человека, иногда значительно больше. Но уже при нем мало—по—малу определялся тот круг лиц, из которого господарь призывал себе советников, хотя он еще и не был точно очерчен и замкнут.

Витовт обыкновенно приглашал на совет католических бискупов, придворных сановников и главных областных правителей — наместников. За этим разрядом лиц упрочилось преимущественно звание господарских советников. При преемниках Витовта—Свидригайле и Сигизмунде—рада составлялась из того же круга лиц; только при Свидригайле в нее входило много русских бояр. Впоследствии им не удалось войти в нее в силу известной конфессиональной статьи привилегия 1413 года. Правда, иногда православным вельможам и удавалось проникнуть в раду, но это бывало сравнительно редко и объяснялось только заслугами перед государством. При Казимире состав господарской рады стал еще отчетливее. Советниками великого князя стали католические епископы, некоторые значительные князья, наместники областей и правители крупных территорий, высшие земские и дворные советники. Окончательное же определение состава господарской рады относится ко времени Александра и Сигизмунда I. Она состояла из высших духовных и советских сановников государства, отправлявших высокие должности и носивших высокие звания.

Определение состава рады.

Рада в полном составе могла собираться, конечно, редко, за отъездом разных ее членов. Поэтому с конца XV века можно отметить функционирование особой передней рады, состоявшей из лиц, бывших всегда около господаря, из числа высших областных правителей и государственных сановников, занимавших должности по центральному управлению. Место в господарской раде было тесно связано с званиями и должностями. Приобретение того или другого давало право заседания в ней. Бывали случаи, впрочем очень редко, когда в раду попадали люди незнатного происхождения, оказав-

Передняя рада.

шие ту или другую услугу государству: обыкновенно же в раде сидят представители одних и тех же фамилий, отличавшихся богатством и знатностью. Уже эти два качества сами по себе давали право на занятие мест в раде. Поэтому господарская рада всегда являлась учреждением аристократическим, и вполне понятно, почему выступавшая на сцену шляхетская демократия относилась к ее деятельности с недоверчивостью и известного рода боязливостью.

Ведомство
рады и обо-
собление
..

От состава обратимся к ведомству господарской рады. Первоначально господарская рада была советом при государе, и отдельное ее функционирование фактически было невозможно. Тесно связанная с господарем, она принимает участие почти во всех его правительственных актах, издаваемых, „подумавши с князьями и паны“. Чем сложнее и запутаннее становилась общественная и государственная жизнь Литвы, тем все больше и больше участия принимала рада в управлении государством. Так, великие князья вместе с радой решали разные судебные вопросы, раздавали имения, укрепляли перевод недвижимости из одних рук в другие. Впрочем, такая совместная деятельность рады и великого князя не исключая возможности единоличных правительственных актов со стороны великого князя. Действительно, случаи проявления единоличной его воли довольно часты в течение всего XV века: раздача имений, укрепление актов об отчуждении недвижимости, разные судебные и финансовые дела производились князем и единолично. Но в то же время, с половины XV века, начинается постепенное обособление рады от господаря и превращение ее в самостоятельное учреждение. Конечно, этот процесс обособления необходимо поставить в связь с личной унией с Польшей, заключенной при Казимире. Благодаря частым стлучкам последнего, господарской раде приходилось неоднократно выступать в роли высшего правительства страны. Рада вела дипломатические сношения, в отсутствие господаря разбирала связанные с захватом земли и наездом на имение процессы, но вопрос о наказании виновного решался господарем по его возвращении, распоряжалась военными силами, раздавала земли военно-служилым людям. Так рада из личного совета при государе постепенно превращалась в государственный совет великого княжества, продолжавший функционировать и в отсутствие господаря.

Права рады.

Литовской аристократии удалось привилеями 1492 года и 1506 года закрепить за радой законом ее положение самостоятельного учреждения, принимавшего активное участие в политической жизни страны. Но содержание этих привилегий шло дальше: они наделили господарскую раду полити-

ческими правами, существенно ограничившими прерогативы великокняжеской власти. Привилей 1492 года подтверждал право рады на совместное ведение с великим князем дипломатических сношений. Привилей обязывал господаря в делах внутреннего управления помимо панов-рады не изменять и не исправлять ничего, что им было постановлено совместно с панами-радой: в случае несогласия панов рады с его мнением при обсуждении тех или других государственных дел, не держать за это на них гнева и делать то, что они посоветуют ему для его же и земской пользы. Далее, великий князь Александр обязывался не отнимать ни у кого урядов и держав без вины и совета панов—рады, раздавать уряды, державы в украинских областях по совещании с панами—радой, расходовать средства на государственные нужды по совету панов—рады и не вывозить их из страны без воли радных панов. Наконец, привилей обеспечивал участие панов—рады в господарском суде. Привилей 1492 года не говорил о праве панов—рады непременно участвовать в издании тех или других постановлений. Отсюда вытекала возможность и единоличных распоряжений господаря, что окончательно уничтожается привилеем 1506 года, по которому все законы и распоряжения общего характера, направленные ко благу государства, издаются после обсуждения их совместно с панами—радой. Эти два привилея закрепили за радой ее политическое значение, и власть великого князя с конца XV века приходится трактовать, как ограниченную.

Деятельность господарской рады была очень сложна и разнообразна. Эта сложность привела к учреждению при ней и господаре канцелярии с канцлером во главе и „скарба“ с подскарбием земским. По мере развития вального сейма и усиления его значения — политический вес панов — рады уменьшался, ряд вопросов, раньше обсуждаемых ими, стал рассматриваться на вальном сейме, а Статут 1566 года окончательно закрепил за сеймом его политическое значение. Но текущая администрация, подготовка вопросов для обсуждения на вальном сейме—это осталось в ведении панов—рады.

Деятельность рады.

3) Великий Вальный Сейм.

На ряды с господарской радой в начале XV века, можно заметить первые зачатки нового учреждения — великого вального сейма, окончательно сформировавшегося во второй половине XVI века. Первые признаки появления сейма можно отнести к 1401 году, когда заключалась третья уния с Польшей. В Вильно съехалось для переговоров об унии много лиц, принадлежавших к первостепенной литовской знати и

Зарождение сеймов.

княжескому роду. Тут же присутствовало и вообще все боярство Литвы и Руси литовской. На первом сейме не было представителей других областей литовско - русского государства. Князь и паны, собравшиеся на сейм, как известно, заключили унию с Польшей. Такой состав первого сейма, конечно, объясняется тем значением, которое имела литовская знать в жизни княжества, отстаивавшая с Витовтом его самостоятельность. И второй сейм, собравшийся в 1413 году тоже по поводу унии, составил из тех же общественных элементов. Присутствовали на нем и многие из рыцарского класса, но активная роль на сейме принадлежала литовской знати. По крайней мере, она своими подписами за себя и за шляхту скрепила новый унитарный трактат. Первые два сейма можно назвать „вальными“, то есть всеобщими, только с известным ограничением, так как на них не было русской знати и шляхты из земель—аннексов. Известная уже нам политическая борьба Литвы и земель—аннексов выдвинула на первый план русский элемент, как крупную политическую силу. Поэтому литовские князья и паны сочли для себя невозможным без русской знати решить вопрос, соглашаться ли Казимиру на избрание его польским королем или нет, и пригласили ее на сейм 1446 года в Вильно. Этот съезд в Вильне, на котором были литовские и русские паны, и можно считать „великим вальным“ в широком смысле этого слова. Вообще, при Казимире сеймы собирались довольно часто, чуть ли не ежегодно, но не все они могут быть подведены под категорию „великого вального сейма“. Некоторые из сеймов были только полными собраниями радных советников, и к сеймам в собственном смысле слова причислить их нельзя. На других присутствовали паны, бояре—шляхта не всего государства, а только из Литвы, Жмуди и литовской Руси. И только на некоторых присутствовали князья, паны и шляхта со всего государства, от всех его земель. Эти сеймы и можно считать „великими вальными“ в собственном смысле этого слова. Собирались они сравнительно редко и только в тех случаях, когда требовалась поддержка и согласие областей—аннексов.

В правление великого князя Александра сеймы собирались также часто, и по своему характеру они ни в чем ни отличались от сеймов времен Казимира. Реже всего собирались „великие вальные сеймы“, но и таких сеймов было четыре: на них были князья, паны и бояре—шляхта со всего литовско-русского государства. Такие сеймы собирались только в очень важных случаях, когда решались вопросы первостепенной политической важности. Все это укрепляло политическое значение вновь возникшего учреждения, которому впослед-

ствии удалось занять центральное место в политической жизни княжества.

Происхождение сеймов приходится поставить в связь с социально-политической структурой княжества. Слабость великокняжеской власти, носившей военно-политический характер и представлявшей собою лишь идею национального единства, усилила авторитет местной знати и представителей местных общественных союзов. Собственно, они задавали тон политической жизни страны от времен Витовта. Окруженные многочисленными дружинниками, они представляли собою и крупную военную силу, с которой ссориться было рискованно, а, опираясь на нее, они выступали против политики Ягайлы. В союзе с ними шла борьба Витовта за автономию Литвы. И, конечно, когда автономия Литвы висела на волоске, когда поляки хотели использовать затруднительное положение Витовта, последний не мог решиться на заключение унии один, без поддержки знати, да и сами поляки желали сговориться с нею и видеть ее подписи на новом унитарном договоре. Так унитарный вопрос был лишь внешним поводом для проявления политического веса и значения литовской знати. Впоследствии, как мы видели, к основному ядру литовской аристократии присоединяется и аристократия земель—аннексов, что опять таки являлось только отражением того влияния, какое имел в жизни княжества, русский элемент, не желавший признавать исключительности политического господства Литвы. Вполне понятно, что в разгар национальной борьбы великий князь не решался решать неотложные вопросы на сеймах старого состава и пригласил на сейм знать и шляхту земель—аннексов.

Причины
появления
сеймов.

Если самое учреждение не успело отлиться в одну образную форму, то, конечно, не может быть и речи о более точном определении его состава и компетенции. На великих вальных сеймах присутствуют князья, паны и бояре—шляхта. Князья и паны призывались на сейм поголовно, особыми грамотами, как вожди и руководители местных обществ; не было еще правильно—постановленного шляхетского представительства. Призывались только „старшие“ шляхтичи, более крупные землевладельцы. Так, рассылая приглашение на великий вальный сейм 1492 года, паны—рада просили приехать „старших“ земель: „десять, або двадцать, або колько ся вам увидит“. Но такое неопределенное положение шляхетства кончилось в XVI в., когда организованное и сплоченное шляхетство начало на сеймах играть видную политическую роль.

Состав сей-
ма.

Компетенция сеймов не была точно определена. Предметы обсуждения ставились великим князем по его усмотрению; только вопросы, связанные с заключением унии, всегда восхо-

Компетен-
ция сейма.

дили до сейма, и подавляющее большинство „сеймов“ и „важных сеймов“ занималось именно этим вопросом, да в связи с ним — внешней политикой. Кроме того, великие вальные сеймы избирали нового господаря: великие князья Александр и Сигизмунд были избраны на престол „единогласною волею“ великого вального сейма.

Развитие
сейма в
XVI в.

Время обоих Сигизмундов было в высшей степени благоприятно для дальнейшей эволюции великого вального сейма. За этот период расширяется его компетенция, более точно организуется шляхетское представительство. Сейм постоянно выступает в роли вершителя судеб государства и постепенно отстраняет на второй план господарскую раду. И Статут 1566 года только юридически закрепил за сеймом то значение, которое он фактически имел, в особенности при Сигизмунде II.

Одним из условий, содействовавших дальнейшему развитию великого „вального сейма“ и превращению его в постоянно — действующее учреждение, было затруднительное внешнее положение княжества. Затяжная борьба с Москвой и обострившаяся борьба с татарами требовали большого напряжения военных сил и денежных средств со стороны государства.

Необходимость в организации защиты страны и сбора денег на военные нужды заставили литовское правительство обратиться к помощи великого сейма. Государственный скарб находился в весьма неудовлетворительном состоянии; обыкновенных государственных доходов не хватало на удовлетворение экстренных военных расходов, а постоянных сбор военной подати „серебщины“, в силу привилея 1447 года не мог производиться Великим князем. Казимиру приходилось прибегать к единоличному назначению экстренных сборов „серебщины“, но еще чаще при нем и Александре „серебщина“ назначалась или панам — радой, или на великих „важных сеймах“, а при Сигизмундах обложение населения военными и денежными повинностями перешло всецело в руки великого вального сейма. Участники сейма оценили для себя такой способ назначения „серебщины“. Они начали просить у господаря новых прав — вольностей, а также обращались с требованием реформ и новых законов. По мере роста и усиления сейма и его значения, исчезают другие формы сеймовых совещаний, практиковавшиеся в XV веке. С 1505 года приходится наблюдать только созыв одних „великих вальных сеймов“.

Деятель-
ность
сейма
XVI в.

Сеймовая деятельность в XVI веке необыкновенно часта и разностороння. Правительство целый ряд вопросов перво-степенной важности передавало на рассмотрение сейма. В 1510 году сейм занимался принятием мер по обороне государства,

в 1512 году шли переговоры об унии, в 1514 году-поднялся вопрос о продолжении войны с Москвою, и сейм высказался в утвердительном смысле, в 1515 году-сейм отказал господарю в новых налогах, в 1519 году-были изданы постановления о мобилизации земского ополчения и о сборе „серебщины“, в 1522 году-сейм выработал условия мира, предложенные московскому правительству, и занимался составлением Статута, который кодифицировал бы шляхетское право: на сеймах 1528-1529 г. был принят ряд постановлений о военной службе, внесены поправки в Статут, установлены правила о даче в „заставу“ королевских имений; в 1532 году-сейм не согласился на борьбу с волошским воеводой; в 1534 году-новый сбор „серебщины“, и решено начать войну с Москвой; в 1538 году-были определены размеры взысканий за недоимки, на сеймах 1544 года-шляхтой был заявлен ряд требований в смысле расширения прав шляхты и ограничения господства możновладства. Перечисляя предметы занятий сеймов времен Сигизмунда I, мы указывали только на те предметы, которые наиболее ярко выясняют характер компетенции этого учреждения.

В сравнении с XV в. деятельность сейма расширилась: за ним окончательно утвердилось право обложения населения новыми налогами и военной повинностью, он принимает активное участие в вопросах внешней политики, и хотя его мнение не связывает воли господаря, но с ним считаются; сейм принимает участие в издании новых законодательных постановлений и составлении шляхетского кодекса: сама инициатива этого дела шла со стороны станов сейма, высказывавших свои положения на Виленском сейме 1514, и Городенском сейме 1522 года; сейм выступает с критикой текущей администрации.

И в составе сеймов произошли большие перемены. Постепенно увеличивается роль и значение шляхетского сословия, составлявшего основное ядро военных сил княжества и многолюдного плательщика „серебщины“. Уже на сейме 1507 года присутствует рядовая шляхта, а не только „старшие“ из ее среды. Но присутствовала она на сеймах поголовно. Конечно, при таком характере представительства шляхта не могла играть большой политической роли, и вполне понятно ее стремление к более систематической организации представительства. Уже на сейме 1512 года присутствуют представители по 2 от каждого повета, и с этого времени появление шляхетских представителей на сейме вошло в обычай. Шляхетское представительство не исключало возможности поголовного появления шляхты на сеймах.

Усиление
на сеймах
шляхетства.

Два коло
сейма.

Впрочем, рядом с „послами“ поветов приезжали на сейм, по личным приглашениям, князья, паны, дворные и земские урядники. Вместе с послами они составляли рыцарское коло: другое коло-были паны-рада. Постепенно устанавливается между ними такой же порядок сношений и общих заседаний, какой существовал в Польше. Невыборные члены „рыцарского кола“ вышли из него только после унии 1569 года. Таков характер сейма в последней его формации, ставшего в конце концов органом шляхетского представительства. Теперь шляхтичи, выбирая на местах депутатов послов и снабжая их мандатами, имели полную возможность через последних руководить политической жизнью страны в своих интересах и целях. В связи с новым административным делением общее число шляхетских депутатов значительно уменьшилось, но зато увеличился политический их вес: за ними теперь стояла плотная масса шляхетского народа, зорко следившего за политической жизнью в стране. В зависимости от этого пало прежнее влияние аристократии, панов-рады, превратившихся к неравноправную часть сейма. Таким образом, структура сейма вполне соответствовала тому положению, которое шляхетство занимало в государстве в социально-политическом отношении. Эта шляхетизация строя и учреждений и решила вопрос об унии на Люблинском сейме 1569 года.

XI. Настроение шляхты и судебно-административные реформы 60 годов.

Шляхта на
сеймах.

Великие вальные сеймы служили прекрасной школой для политического самосознания литовско-русской шляхты, понимавшей свое значение, как военно-служилого класса и как плательщика „серебщины“. Шляхта занимает на сеймах будирующую позицию, направленную против аристократии и ее доминирующего положения в государстве. Она выступает с жалобами на недостатки аристократической администрации и с другими пожеланиями, и с каждым годом ее натиск все настойчивее и настойчивее. Она уже не ограничивается только жалобами, а рисует стройную систему реформ, долженствующих убить литовское можновластво. Шляхта недовольна судом и просит права избирать судью и писаря и ввести общую подсудность для всех етанов, что уничтожало особую юрисдикцию духовной и светской аристократии и вводило контроль шляхты над судами: она требует „поправы“ Стату-та в направлении, указанном ею; выпуска монет с согласия сейма, реформы администрации.

Вельский
сейм 1663 г.

Аристократия сопротивлялась, пока могла, но затем пришлось пойти на уступки: она согласилась на „поправу“ Ста-

тут в духе высказанных пожеланий и к 1563 году Статут был готов. Тогда паны-рада, старосты, державцы, представ пред господарем, заявили, что они, «милуючи Речь Посполитую, а в ней братью молодшую, народ шляхетский и рыцарский», отступаются и отрекаются от своей судебной власти и от других прерогатив, связанных с ее пользованием, дабы введение новых судов не встретило препятствия. Затем станы сейма заявили, что они передаются „в одно ровное право“ и подчиняются юрисдикции новых земских урядников, «на суд выбранных и высаженных». Бельский сейм 1563 года фактически убил можновластво и усилил политический вес шляхты, но планы шляхты были реализованы только спустя 2 года, когда было введено новое областное деление, разрушившее самостоятельность земель, определены границы судебных округов и намечены кандидаты на судебные должности.

Новое
судебное
уложение.

Литва с Русью делилась на 30 суловых поветов, в пределах которых устраивались сеймики для выбора кандидатов на судебные должности по 4 на каждую из них, из числа которых один получал утверждение. Все местные землевладельцы были подчинены присуду нового суда. Персонал земского суда состоял из судьи, подсудка и писаря. Выбираться на эти должности могли только оседлые шляхтичи: духовенство не могло быть избираемо. Компетенции земского суда подлежали все гражданские дела шляхетского сословия. Апелляция на приговор земского суда направлялась к государю и панам—раде. Решенные дела записывались в книги, которые хранились в особых судебных зданиях в местах судебных сессий. Из компетенции земского суда были изъяты дела о насильственных наездах на шляхетские дома, о поджоге и разбое, злодействе и обмане, насилии над женщиной, убийстве шляхтича. Все такие дела были отнесены к юрисдикции замкового суда, находившегося в руках воеводы и судового старосты. В отсутствии их судил наместник, совместно с градским судьей, назначенным из числа местных оседлых шляхтичей, и писарем. На суд наместника апелляция шла к воеводе и старосте, а на суд последних—к самому господарю.

Наконец, вводился еще третий суд—подкоморский, „для справ граничных и земельных“. Он состоял из подкомория и коморника. Подкоморий назначается королем, хотя впоследствии право выбора передается поветовой шляхте. Коморник был помощником подкомория, выбравшего его из числа шляхтичей в повете, оседлых, людей годных и статочных, чтобы для „отправы всяких справ“ не было никакого „омешкания“. Коморник разбирает дела, подлежащие присуду подкомория, и апелляционной инстанцией для обоих является королевский

дворный суд. Суд подкомория или коморника был единоличным.

Административная реформа

На сеймах шляхта неоднократно настаивала на умножении числа должностей, доступных для шляхетского сословия. Желание шляхты было исполнено, и в видах этого а также приведения к единству областного управления, так как старые воеводства были слишком крупными территориальными единицами, в 1566 году было учреждено 5 новых воеводств, розделенных более правильно на поветы. К старым воеводствам были прибавлены: Волынское, Берестейское, Мстиславское, Браславское, Подольское и Минское.

Ограничение власти воеводы.

Во главе воеводства был поставлен воевода, назначавшийся великим князем, но в воеводствах Жмудском, Полоцком и Витебском происходили выборы на местных областных сеймах.

Положение воеводы после реформ 60-х годов сильно изменилось в сравнении с предыдущей эпохой; территориальные размеры воеводства стали меньше, и компетенция воеводского уряда значительно сократилась. Судебная власть была почти изъята из рук воеводы, так как за ним осталась лишь юрисдикция по уголовным делам, да гражданские иски по уголовным делам, по движимости и дела тех обывателей повета, которые по своему состоянию не имели доступа ни в земский, ни в магдебургские суды, да и то она распространялась лишь на центральный повет, так как в других поветах (их было от 5 до 1 на воеводство) градской суд был в руках особого судового старосты. И административная власть воеводы ограничивалась только пределами центрального повета. Но в военном отношении сохранялось единство воеводства: воевода был главным командиром, под начальство которого собирались все военно-служилые элементы воеводства с своими поветовыми командирами: каштелянами в центральных поветах и маршалками в остальных. Такова была власть воеводы в старых воеводствах. Воеводы же вновь учрежденных воеводств совершенно не имели никаких административных и судебных функций: они оставались лишь военными начальниками с правом заседать в господарской раде.

Старосты судовые.

Во главе поветов были поставлены старосты. Их нужно отличать от несудовых старост, заведывавших господарским хозяйством и имевших суд над не шляхетским населением, а также исполнявших различные административные функции, — например, сбор „серебщины“. Старосты, стоявшие во главе поветов, в отличие от последних назывались „судовыми:“ они соединяли в себе функции несудового старосты вместе с администрацией и судом над поветовой шляхтой.

Реформы 60 годов изменили и политическое значение шляхты. Государь во втором Статуте 1566 года обязался не устанавливать ничего нового для блага государства, никаких уставов, иначе как на вальном сейме: с ведома и согласия панов — рады и дозволения всех земель великого княжества. Это обещание не внесло ничего нового в практику государственной жизни, обобщая лишь то, что давным давно уже применялось. Установление новых „серебщин“ или вообще налогов, объявление войны было вообще невозможно без согласия князей, панов хоругвовных и послов земских поветовых, созванных на вальный сейм. Депутаты избираются на поветовых сеймиках, на которых участвуют воеводы, каштеляны, паны, князья и вся поветовая шляхта. Собравшись, они, „зволившись вси одностайне“, выбирают двух послов от каждого судового повета для представительства на сейме, с вручением им мандатов относительно тех вопросов, о которых было объявлено господарем, так „и иные нормальные речи водле чащи и потреб“. Сеймики собираются за 4 недели до сейма. Таким образом, Статут 1566 года знает два вида сеймиков: для выбора послов и для избрания кандидатов на судебные должности.

Значение шляхты после реформы: ее депутаты.

Год судебно-административных реформ является поворотным пунктом в истории государственного строя Литвы. Установление шляхетского представительства, реформа судов и областного управления приблизили литовский государственный строй к польскому, что и дало возможность осуществить парламентарную унию 1569 года.

XII. Люблинская уния.

Унитарный вопрос снова выдвигается на первый план во время Сигизмунда II. Постановка его совпала с движением шляхты в сторону демократизации государственного строя. Шляхта, чем больше принимала участие в политической жизни, тем все более и более сознавала необходимость унии с Польшей, как условия шляхетизации Литвы. Этим и объясняется ее сочувственное отношение к унии, так как самостоятельность Литвы не давала надежд на реализацию ее планов. Борьба шляхты с аристократией, ливонская война поставили вопрос об унии. Шляхта открыто на сеймах заявляет о своих симпатиях к унии, а на Виленском сейме 1563 года ей удалось добиться постановления об отправке сеймовой делегации для переговоров об унии. Наказ делегации составлен в духе компромисса между автономными стремлениями магнатов и унитарными требованиями шляхты.

Склонность шляхты к унии.

Переговоры
с поляками.

Инструкция ни слова не говорит об инкорпорации: она понимает унию в смысле сближения обоих государств на почве военной защиты и единства королевской власти, выбираемой на общих совместных сеймах; коронование происходит в Кракове, а в Вильне бывает отдельно посажение на великокняжеский стол. Инструкция предусматривает совместные сеймы и по другим общим вопросам, но внутренняя автономия каждого государства сохраняется в неприкосновенности. Кроме того, литовцы соглашались в интересах унии разрешить полякам приобретать имения в Литве. Но для поляков и такая уния оказалась неприемлемой, да и политический момент был очень благоприятен для „втеления“ Литвы в Польшу. Переговоры на Варшавском сейме 1564 года кончились ничем, хотя литовская делегация во многом отступила от инструкции, настаивая только на сохранении особых законов и установлении особых судов и администрации.

Переговоры на Варшавском сейме 1564 года, на котором не удалось заключить унии, закончились опубликованием весьма важного акта: король отказался за себя и своих потомков от своих „дедичных“ прав на Литву, с передачей таковых короне Польской на вечные времена. Такая декларация могла ускорить заключение унии в желательном для поляков и Сигизмунда направлении. Впрочем, поляки не унывали, в надежде, что переговоры об унии все-таки увенчаются успехом. Бельский сейм 1564 г., на который приехало немало поляков, обнаружил сочувствие к унии со стороны шляхты и отрицательное отношение только аристократии, а после реформ 1565—1566 года, когда власть перешла в руки шляхты, заключение унии было обеспечено. Поляки торопились заключить унию до окончания войны с Москвой. Послали послов для переговоров на Брестский сейм, но они кончились ничем, хотя литовцы предлагали унию в духе переговоров Варшавского сейма 1564 года. Но внешнее положение дел для Литвы складывалось неблагоприятно, и Литве пришлось снова поднять вопрос об унии.

Люблинский
сейм 1569 г.

Сигизмунд II, в интересах скорейшего решения этого вопроса, созвал „спульный“ сейм в Люблине (1569 г.): он и явился завершением того политического плана, который столько веков приводился в исполнение. И на этом сейме шла упорная борьба сторонников и противников унии. Каждая сторона выставляла известные нам аргументы: одни ссылались на Мельницкий трактат 1501 года, другие на старые привилегии и прошлое государства. Польские послы не желали считаться ни с какими моральными и политическими соображениями литовцев. В конце концов литовцы уехали, в надежде что без них дело унии не будет решено. Но в момент их отсут-

ствия поляки присоединили к Польше Подляшье и Волынь, и, конечно, это присоединение было актом насилия по отношению к Литве: бывших на сейме подляшан заставили присягнуть под угрозой лишения имений. Не присягнул только староста Евстафий Волович, лишенный держав, полученных за разные государственные заслуги. Затем, по требованию короля, стали приезжать на сейм уехавшие подляшане и волыняне для принятия присяги. После присоединения поляками двух областей, литовцы опять приехали на сейм, но их протест по поводу инкорпорации не имел практического значения. Присоединение двух областей и видимая невозможность для стороны Литвы активно этому противодействовать сделали поляков смелее: они таким же путем присоединили Киевщину.

После этого и поляки не настаивали на полной инкор- Люблинская порации, согласившись сделать кое-какие уступки литовским уния 1569 г. магнатам. Правда, Литва лишилась части территории: Подляшья, Волыни, Киевщины и Литовского Подолия, но урезанное княжество сохранило в некотором отношении автономию в виде прав иметь свои суды, законы, уряды. Но зато соединенное государство имеет общего главу, избираемого на совместном сейме: элекции происходят в Польше. Сеймы и раду Литва и Польша должна иметь общие. На сеймах и в раде литовцы заседают совместно с поляками. Место для сеймов избирается в границах Польши, по указанию пянов-рады. Устанавливается общая монета. Внешняя политика-дело обоих народов: заключение договоров, отправка послов-производится с ведома и согласия обоих народов. Поляки и литовцы имеют право повместного приобретения недвижимых имуществ, но старые пожалования остаются в неприкосновенности. Должности, почетные и служебные, могут раздаваться только лицам, присягнувшим королю и короне польской: благодаря этой статье поляки получили возможность занимать должности в Литве. Шляхта и их подданные в Польше и Литве освобождаются от платежа всяких пошлин при продаже сельско-хозяйственных продуктов или вывозе их за границу.

Заключением унии 1569 года польские дипломаты от- Значение части добились своего, отторгнув от Литвы лучшие русские Люблинской земли, но „втеления“ и теперь не произошло, и самостоя- унии. тельность литовских урядов-лучший показатель известной внутренней самостоятельности Литвы. Это, впрочем, все, чего могло добиться литовские сепаратисты в лице магнатов. Зато шляхта могла быть довольна результатами парламентарной унии, отдавшей судьбу Речи Посполитой в ее руки. С введением унии 1569 года политическая роль магнатов фактически была кончена. За ними оставались незначительные при-

виллегии, отнять которые было делом будущего. Уния 1569 года сблизила литовско-русскую шляхту с польской и содействовала усвоению ею польских форм быта. Отсюда идет ее быстрая полонизация, а вместе с ней быстро развивается крепостное право, гнет которого в Речи Посполитой содействовал образованию казачества, вызвал ряд его восстаний, принявших характер социального протеста. Унию нельзя забывать при изучении общественной борьбы, которая обострилась после 1569 года в связи с нетерпимой религиозной политикой польского правительства. В общем, уния дала больше отрицательных результатов, чем положительных, и с нее приходится вести начало упадка Речи Посполитой.

Литература.

Антонович. „Монографии по истории Западной России“. Киев 1885 г.; **Zotoraitis.** „Die Litauer unter dem König Mindowe“. Freiburg 1906 г.; **Василевский.** „История города Вильны“. Спб. 1872 г.; **Stadnicki.** „Synowie Gedymina“. Z. 1881.; **Его же** Olgierd i Keinstut“ 1870 г.; **Леонтович.** „Очерки истории Лит.-руск. права“. Спб. 1894 г.; **Любавский.** „Областное деление и местное управление Литовско-русс. государства“. Москва 1892.; **Грушевский.** „История Украины и Руси“, т. IV. Львов 1907.; **Ямпсон.** „Уставные земские грамоты“. Киев 1889 г.; **Довнар-Запольский.** „Государственное хозяйство Литовско-рус. государства“. Киев 1901 г.; **Его же.** „Очерки по организации зап.-руск. крестьян“. Киев 1905 г.; **Любавский.** „Литовско-русский сейм“ (Чт. в Общ. И. и Др. 1900 г. кн. IV. и след.), отд. М. 1901 г.; **Владимирский-Буданов.** „Немецкое право в Литве и Польше“. Спб. 1868 г.; **Тарановский.** „Обзор памятников Магдебургского права зап.-рус. городов литов. эпохи“ (Варш. Ун. Изв, 1897 г.), отд. Варшава 1897 г.; **Лаппо.** „Великое княжество Литовское“. Спб. 1901 г.; **Lewicki.** „Powstanie Swidrigielly“. Kraków 1892 г.; **Леонтович.** Статьи в Ж. М. Н. Пр. 1896—1897, 1909—1910 г.; **Ноялович.** „Люблинская уния“; **Довнар-Запольский.** „Польско-литовская уния на сеймах“, М. 1897 г.;) **Пичета.** „Литовско-Польские унии“. (Сб. в честь Ключевского. М. 1910 г.); **Малиновский.** „Литовская рада“. Киев 1902 г.; **Максимейко.** „Сеймы Лит.-рус. государ.“. Харьков 1902 г.; **Ефименко.** „Южная Русь“, т. II. Спб. 1902 г.; **Владимирский—Буданов.** „Очерки по истории лит.-рус. права“, в I, II и III. Киев 1890—1893 г.; **Довнар Запольский.** „Берестейское Староство“. (Киев. Унив. Изв. 1898 г. № 2); **Владимирский—Буданов.** „Население Юго-Западной России от XIII—XV-Люб. унии“ (Арх. юго-западной России, часть VII, т. 1 и 2).

О Г Л А В Л Е Н И Е.

	Стр.
I. Образование территории	3
II. Удельный период (княжеские отношения)	10
III. Уставные грамоты и областные собрания	13
IV. Литовско-польские унии и литовское общество	16
V. Национально-политическая борьба в XV в. и судьба унии	20
VII. Примирительная политика Казимира и дальнейшая борьба против унии.	26
VIII. Оппозиционные брожения на Руси и внешнее поло- жение Литвы	30
VIII IX. Общественный строй в Литве до половины XV века. 1) Военно служилый класс	35
2) Мещане	45
3) Сельское население	48
X. Политический строй	53
XI. Настроение шляхты и судебно-административные реформы 60 годов.	68
XII. Люблинская уния	71

